

ОГОНЁК
№ 3 ЯНВАРЬ 1971
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

НАШ ЮБИЛЕЙНЫЙ ТОСТ

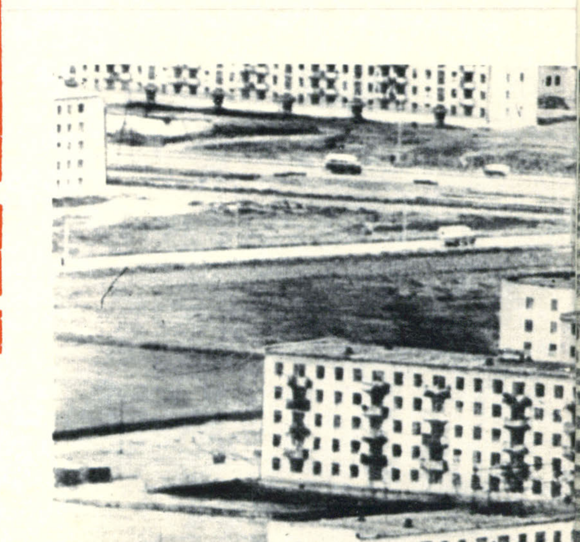
Участница ансамбля народного танца «Лезгинка» Раиса Кущаева.

Фото К. КАСПИЕВА и А. ГОСТЕВА.

Дорогой человек, откуда бы ты ни прилетел, кто бы ты ни был, если у тебя добрые помыслы, если сердце твое полно душевной теплоты, то не ограничивайся тем, что пролетишь над моей горной страной — Дагестаном. Увиденное из окна самолета — это еще не все. Мы хотим, чтобы ты увидел не только обложку, но и перелистал страницы суровой истории этой маленькой страны.

Если рассматривать горный Дагестан из окна самолета, он кажется окаменевшим бушующим морем, где гребни волн — хребты, а впадины между ними — глубокие речные долины. Это создает впечатление природы первозданной, дикой, зловещей, безжизненной. Но стоит тебе выйти из самолета, очутиться на маленькой, покрытой сотнями ароматных цветов лужайке,

ОГОНЁК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 3 (2272)

Основан 1 апреля 1923 года

16 ЯНВАРЯ 1971

На строительстве Чиркейской ГЭС.

и ты сразу забудешь о том, что ты увидел с высоты. В лицо тебе ударит прохладный, щекочущий ноздри, ни с чем не сравнимый горный воздух. Не успеваешь сделать и десятка шагов — усталости как не бывало, будто принял холодный душ. А когда увидишь идущих тебе навстречу загорелых, широкоплечих горцев с открытой улыбкой на лицах, сразу забудешь чувство дороги. Хотя ты и в первый раз здесь, тебе покажется, что давно знаком с этими людьми и не раз пожимал их мозолистые руки, не впервые слышишь их «Ваалейкум салам!» на твое приветствие «Асалам алейкум!».

Но знай, у этой горной страны есть свои неписаные законы, горы эти мудры своим молчанием, а устами их с тобой поговорят старики, чьи бороды отсвечивают льдом вершин. Они скажут тебе: «Желанный гость, стремись вперед, это хорошо, но не забудь иногда оглянуться на пройденный путь. Это поможет тебе идти к цели. И ты поймешь, что тропинка под твоими ногами не была рождена вместе с этими горами. Проложили ее те, многих из которых нет в живых, кровью их омыты эти горы. Читай письмена, клинками кинжалов и копытами коней высеченные на скалах. Сними шапку и склони голову перед памятью тех, кого сегодня уже не встретишь здесь».

Сколько было нашествий и набегов на древнюю страну гор, но свободолюбивые горцы отстояли ее. Немало незваных гостей, пришед-

Продолжение см. на стр. 9.

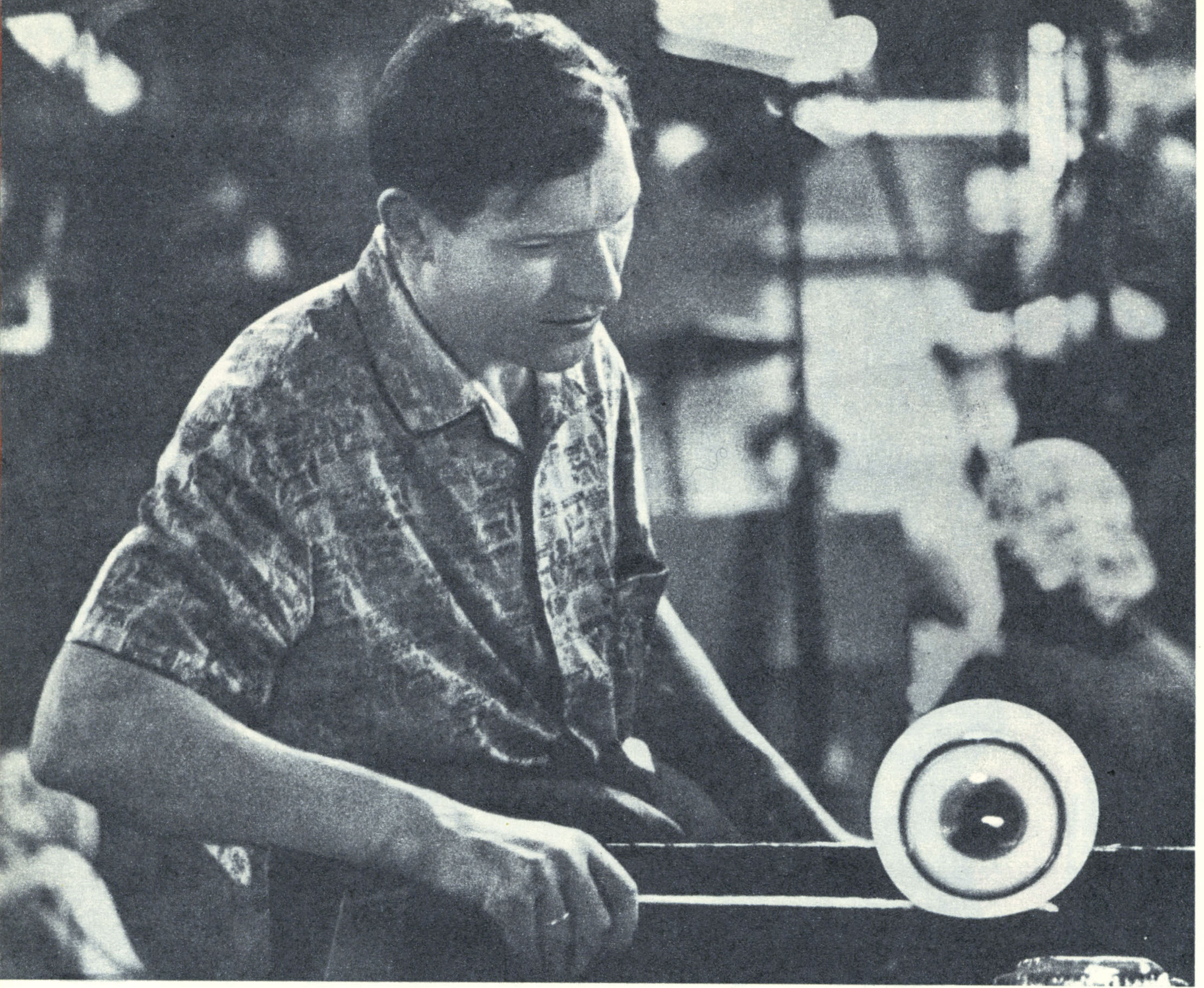
ДАГЕСТАНСКОЙ АССР — 50 ЛЕТ

Фазу АЛИЕВА,
Народная поэтесса Дагестана

Новые жилые кварталы столицы Дагестана Махачкалы.

Лембит Лийкане

Фото В. САЛЬМРЕ.

900

По меньшей мере три стихии стояли у колыбели Лембита Лийкане в день его рождения: Вода, Дружба и Огонь.

Лембит родился на балтийском берегу, и морская зыбь для него привычней, чем земная твердь. Издалека, из больших городов, люди приезжают сюда, на курортный берег, потому что здесь, в тихом шуме моря и сосен, человеку хорошо наедине с собой. А Лембит жил тут, и радовала его непрерывность волн, соленость синего ветра, любимый труд рыбака, полные трюмы салаки... И жить бы ему тут, пахать море, если б не позвала другая стихия — Дружба. В армии он подружился с таллинским парнем. Отслужив, они вернулись по домам: Лембит — на свой рыбацкий берег, друг — в Таллин, на стекольный завод «Тарбеклаас». Совсем недалеко друг от друга, всего сотня километров, и все же врозь. А хорошо бы жить рядом! И к тому же друг пригласил однажды Лембита на завод. Вот тут-то он и попал во власть третьей стихии.

...Круглые печи десятками раскаленных уст дышат прямо в цех. Пекло такое, что кажется, все окружающее должно испепелиться: доведенная до 1280 градусов стекольная масса гудит в печах. Однако воздух чист и жара вполне

ИЗ РУЧЬЕВ—ОКЕАН

Эта страница подготовлена по просьбе наших читателей, которые выразили пожелание ближе познакомиться с деятельностью Советского фонда мира.

— Наш фонд был учрежден десять лет назад по инициативе сторонников мира и разных общественных организаций,— рассказывает председатель Правления Советского фонда мира Борис Полевой.— Учредителями его были Советский комитет защиты мира, Советский комитет солидарности стран Азии и Африки, Комитет молодежных организаций СССР, Комитет советских женщин, советские профсоюзы, Исполком Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР, Ассоциация содействия ООН в СССР и другие. По решению этих общественных сил был создан единый Фонд мира, куда стекаются сейчас добровольные взносы людей со всех концов Советской страны и со всех континентов земного шара.

Это своеобразная и, может быть, удивительная организация, средства которой слагаются из тысяч, десятков тысяч и сотен тысяч взносов трудящихся, желающих участвовать в святом деле борьбы за мир. В адрес Фонда мира, в Москву, на улицу Кропоткина, 10, ежедневно поступают десятки, сотни переводов.

Что же это за взносы? Самые разнообразные. Поступают очень крупные суммы от коллективов заводов, фабрик, колхозов, театров, спортивных обществ, балетных трупп. Например, не так давно рабочие и служащие автозавода в городе Горьком внесли 82 тысячи рублей. Среди тех, кто постоянно пополняет этот фонд, прославленные коллективы Большого и Малого театров, ансамбль Моисеева, «Березка». Люди разных профессий и разных судеб пишут в адрес Фонда мира. Дары идут со всей страны. В последнее время Советский фонд мира становится все более популярным и за рубежом.

Как море из капель, слагается из этих маленьких и больших поступлений Фонд мира, составляющий сейчас весьма крупную сумму. Как же мы расходуем эти средства?

Мы расходуем их по решению Правления, согласно Уставу Фонда, на различные важные мероприятия, направленные на укрепление мира, дружбы между народами. Среди крупнейших наших мероприятий — организация помощи сражающемуся Вьетнаму. Советский фонд мира поставил медицинское оборудование госпиталям Хиросимы и Нагасаки, оказал значительную помощь арабским странам, пострадавшим от израильской агрессии. Немало добрых дел на счету Советского фонда мира, а он не скудеет, потому что из года в год растут ряды сторонников мира.

ВЕЛИКОЙ АРМИИ ПОЛПРЕДЫ

ПЯТНИЦА ДОКТОРА ЛИСОВА

У этого седоголового человека с несколькими рядами орденских ленточек на темном костюме удивительно добрая улыбка и сильные, очень сильные руки. Я смотрю на эти руки и думаю, скольким же людям вернули они счастье жить на земле, и спрашиваю об этом у Василия Александровича.

— Скольким? — в раздумье переспрашивает он.—А ведь, пожалуй, и не сосчитаешь. Ведь уже в двадцать девять лет, во время зойны, я был ведущим хирургом в Белгородско-Харьковской гвардейской дивизии и оперировал без счета днем и ночью...

С той поры редкие выпадали дни, когда руки хирурга Лисова отдыхали от скальпеля.

И сейчас они не знают покоя, руки главного хирурга города Бора и заслуженного врача РСФСР. Покой? Ну нет, об этом он и думать не хочет! Конечно, уже немолод и устает порядком, так ведь работа — это же дело всей его жизни. А он любит жизнь, любит людей и свой город. «Вы роман Костылева «Питирим» читали? Так это же про наш Бор!» И тут же поспешно прибавляет, чтобы я не забыла записать, что здесь живут пять Героев Советского Союза, три Героя Социалистического Труда, шесть заслуженных учителей республики и десятки тысяч ударников коммунистического труда.

Я записываю. Василий Александрович удовлетворенно кивает головой. И тогда я задаю ему вопрос, тот самый, который мне хотелось задать, едва я узнала, сколько разных больших и малых дел лежит на плечах главного хирурга города. Я спросила, как же успевает он при эдакой-то нагрузке еще

ГОРЯЧИХ ЦВЕТОВ

терпима: печи окружены сталактитами вытяжных труб. Невозмутимые парни длинными тонкими трубками вынимают из печей сгустки раскаленной массы, бесстрашно подносят другой конец трубки к губам — и пространство вокруг печей, под сталактитами вытяжных труб, словно шаровыми молниями наполняется. А впрочем, что можно сказать о стеклодувах, кроме того, что они работают волшебниками? Сырье-то у них совершенно немудрящее, оно было известно уже египтянам еще за 3 000 лет до нашей эры. С тех пор немногое изменилось, только для цвета прибавлять стали кобальт, селен или криолит. Но по-прежнему дыхание стеклодува создает из раскаленной массы причудливые стеклянные сосуды. И разве вино не становится искристей в тонком бокале, разве не хорошеет роза в прозрачной вазе? Разве линзы телескопов не приближают к нам далекие галактики? Нет, что ни говорите, а в пластичности и ясности стекла, в его сходстве с алмазом и хрусталем, в его рукотворности живет неразгаданность волшебства.

Лембит Лийкане не стал стеклодувом — для этого надо учиться в специальной школе в Вышнем Волочке, и большинство стеклодувов «Тарбеклааса» — питомцы той школы. Лембит учился прямо на заводе и стал прессовщиком.

...Сидит Лембит на скамейке в удобной и спокойной позе. В руках у него дощечка, самая обыкновенная. «Когда ее нужно поменять, я беру простую рейку и подстругиваю, как мне удобно»,— говорит Лембит. И все дальнейшее на первый взгляд тоже совсем обыкновенно в этой бригаде прессовщиков. Роланд Покк набирает из печи нужное количество огненной массы и спокойно передает ее Ивану Николахину. Николахин неторопливо опускает пресс, превращает кусочек огня в какой-нибудь стеклянный предмет. И так же неспешно грельщицы Элла Эхавальд и Хильда Мещерякова принимают этот предмет — в данном случае салатницу — на длинную тонкую палку. Салатница успела остыть под прессом, и грельщицы снова раскаляют ее в муфельной печи. Оттуда салатница выплывает фантастическим пылающим цветком на длинном стебле. Женщины один за другим передают эти багряные цветы Лембиту Лийкане, бригадиру. И он легонько покручивает деревянный стебель-держалку, приглаживает горячий цветок своей дощечкой. Он как бы просто поигрывает с огнем. Но... Но! Стоит Роланду Покку взять чуть больше массы — брак. Стоит Ивану Николахину опустить чуть резче пресс — брак. Стоит Элле и Хильде недогреть или перекалить стекло в муфельной печи — брак. А уж о бригадире и говорить нечего. Ему достаточно на миллиметр дальше продвинуть дощечку — и труд всей отлично работающей бригады пропадает зря. В перекур Лембит садится рядом с нами на скамеечку и рассказывает:

— Я ведь на прессе тринадцать лет работаю, если бы брак допускал, грош бы мне цена... Так что руку набил. Наш завод ведь чем отличается от других? Мы не выпускаем особо ценных художественных вещей, больше идет посуда и разные предметы массового потребления. Главный наш козырь — современная, или, как у нас тут говорят, модная форма. У наших художников это есть, они современность хорошо чувствуют, им и карты в руки, а мое дело — качество. Мне надо чувствовать секунды. Что это значит? В муфельной печи салатница разогревается до девятисот градусов. А остынет она за двадцать секунд. Если я ее за те секунды на этой вот дощечке не успею обкатать как следует, не будет у нее ни правильной формы, ни прочности. За двадцать секунд я успеваю повернуть ее двадцать раз. Вот и все, честное слово, все. Ну, план мы в бригаде обычно выполняем на сто шестьдесят — сто семьдесят процентов, отсюда заработки: у нас с Покком и Николахиным до двухсот восьмидесяти рублей, у грельщиц — по двести рублей. А салатниц мы за одну смену, то есть за наш рабочий день, выпускаем девятьсот штук.

Лембит уходит на свое рабочее место, а заместитель начальника цеха Арнольд Эдуссаар добавляет к его рассказу:

— Мы этой бригаде поручаем внедрять новые образцы. Превосходно работают, спокойно и точно. А Лийкане — он отличный организатор. С него другие пример берут, его навыки усваивают. Мы уже давно выпускаем продукцию только первым сортом. А за пятилетку, не увеличивая числа рабочих, за счет реконструкции и главным образом хорошей организации труда «Тарбеклаас» почти удвоил выпуск продукции. И вот еще: пятилетку наш завод выполнил десятого ноября прошлого года. А Лембит Лийкане чуть-чуть обогнал завод: свой пятилетний план завершил дня на два раньше, чем весь наш коллектив...

Н. ХРАБРОВА

справляться с заботами, которые возлагает на него миссия председателя Борской Комиссии содействия Фонду мира.

Доктор Лисов разводит руками.

— А я, знаете ли, по пятницам не назначаю операций, вот в этот день и выезжаю на предприятия, в школы, больницы, рассказываю, для чего существует Фонд мира. И люди мне отвечают, что защита мира — это главное дело каждого и не нужно, мол, за это долго агитировать. Да... Хоть и четверть века миновало, а не зажили еще, памятны раны минувшей войны. Вот и идут в адрес нашего комитета извещения о денежных переводах, больших и малых. Помню, однажды пришел перевод на 50 рублей. Но я знал, что́ значат они в бюджете моего давнего пациента, пенсионера Дмитрия Михайловича Голубева. И когда я зашел к нему домой и вручил почетную грамоту Борского комитета защиты мира, он был растроган до слез.

...Память о благородном поступке человека во имя защиты мира на земле. Она остается и в таких вот золотых строчках почетной грамоты. И правнуки наши, прочитав их, узнают приметы второй половины XX века.

«МИССИС ДИРЕКТОР» ИЗ КОНСТАНТИНОВКИ

Да, Вера Дмитриевна Павловская действительно директор и действительно приехала в Москву из Константиновки, что в Донецкой области. Эта энергичная, очень деловая и элегантная женщина тоже полпред Фонда мира. Да еще какой полпред! Завод высоковольтной аппаратуры, которым Вера Дмитриевна руководит вот уже девять лет, поставляет свою продукцию в 31 страну. Так что связь с миром у этого полпреда самая что ни на есть конкретная. И вообще инженер Павловская — сторонник конкретных разговоров и конкретных дел. Недаром побывавшие на заводе специалисты из Пакистана на вопрос о том, что их больше всего здесь поразило, ответили, что директор оказался «миссис».

Ну, а те, кто работает вместе с Верой Дмитриевной, знают и ценят не только ее деловые качества, но и сердечность, отзывчивость к чужой беде. В марте минувшего года на заводе по инициативе Павловской была создана Комиссия содействия Фонду мира.

Мир нужен всем, но больше всего он нужен матерям. И женщина, которая была не только директором этого большого завода, но матерью сына, служившего в армии, говорила о том, во имя чего создали люди Фонд мира... И тогда было решено отработать всем заводом в Фонд мира один из нерабочих дней. А там и молодежь, комсомольцы поднялись. 2 октября прошел молодежный субботник в помощь Вьетнаму. Вот какая сила в материнских руках!

АЛЫЕ ПАРУСА

Солнце и море. Охапки сирени. Алые паруса плывут по розовым волнам. И небо — теплое, покойное, доброе. Кажется, в этой комнате, в доме 10 на улице Кропоткина, картины заполонили все свободные стены. Но какое отношение имеет этот вернисаж к нашему рассказу о Советском фонде мира и его полпредах? Самое прямое.

Историю о том, как попали сюда эти картины, я услышала от ответственного секретаря Крымского областного Комитета защиты мира Ильи Абрамовича Стрижаченко. Все началось с письма. Вот оно передо мною: «Я художник. И всю свою жизнь стремился раскрыть людям красоту родной природы. После тяжелых лет войны я счастлив, что смог вернуться к своей мирной профессии, и меня, как и всех советских людей, охватывает чувство тревоги, когда на земле вспыхивают все новые очаги войны. Мы не должны позволить им разгореться в новую войну. И я вношу в Советский фонд мира мой трудовой вклад — картины и призываю своих товарищей-художников принять участие в сборе средств в Фонд мира.

Художник Басов Я. А. Ялта».

И призыв этот был подхвачен. Минувшей весной жители Симферополя увидели афиши выставки «Художники Крыма — в Советский фонд мира». Тысячи посетителей прошли по залам этой необычной выставки.

Среди 107 картин, оцененных в двадцать две тысячи рублей, которые совершили путешествие из Крыма в Москву, работы крымских художников всех поколений. А заслуженный деятель культуры, 78-летний художник и искусствовед Николай Степанович Барсамов передал в Фонд мира не только картины, но и гонорар за свою книгу «45 лет в художественной галерее Айвазовского».

...Паруса, пронизанные алым светом, плывут по волнам. И небо над ними покойное и доброе. Таким увидел его художник. Таким оно должно быть!

Н. ЦВЕТКОВА

Парни из бригады И. Д. Сулимова. Иван Денисович — второй справа.

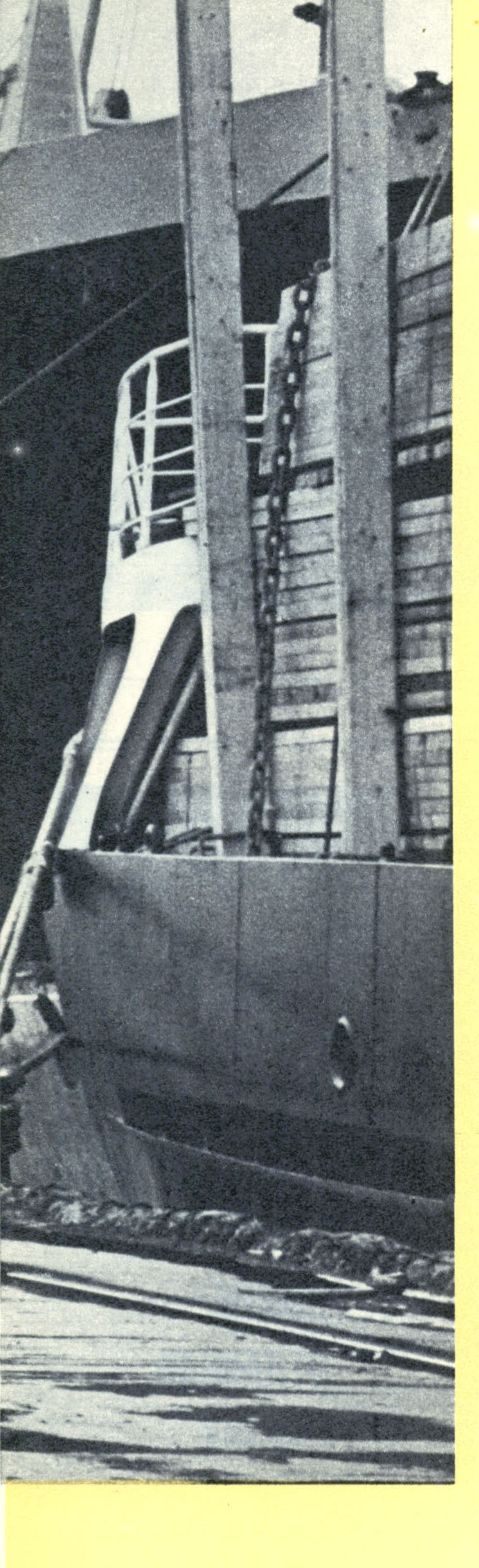

Тамара Гайдаш, учетчица со второго участка Лесного порта.

Туда-сюда снуют по «улицам» порта лесовозы.

Николай БЫКОВ

Фото М. САВИНА.

Славный город Новороссийск. Здесь даже мальчики в нейлоновых штормовках. Чайки, прощально вскрикивая, провожают суда в открытое море. А на берегу моряки чужих стран молчат у Вечного огня. Не дает забыть о мертвых траурная мелодия Шостаковича... Зимний ветер у причалов пробирает до костей. Черная волна бьется о присыпанный снежком гранит. Владимир Иванович Клепиков, секретарь горкома партии, мог бы многое порассказать о том, как мальчишкой ушел в десант на Малую землю. Но сегодня он уводит меня все дальше от памятников, от многопалубных красавцев лайнеров и рассказывает не о романтике моря, а про пятилетку портовиков, о буднях нефтеналивного флота, о маршрутах цементовозов. От Владимира Ивановича я впервые услышал и о Лесном порте: «Интереснейшее предприятие, уверяю! Обязательно побывайте у тех, кто с рук на руки передает заморским купцам наш русский лес».

Известно, что Россия с незапамятных времен торгует лесом. Нефтью это потом стали торговать и машинами позже. Даже хлеб еще не вывозили, а лес наш в Европу уже шел. Лес да пенька — самый ходкий товар допетровской Руси. Это все так, однако почему же сегодня торгует лесом южный порт? Ну, Мурманск, Архангельск, Ленинград — это понятно, а почему Новороссийск? Новороссийский лесной порт Министерства лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР — новинка отечественной морской карты. Ему всего пятнадцать лет. Особенно быстро рос в прошедшую пятилетку. Дело в том, что с известным оживлением экономической жизни страны стало ясно: куда выгоднее торговать не просто лесом, а пиломатериалами. Угодить заказчику многого стоит. И тот, кто хочет торговать, угождает, то есть на спрос отвечает предложением.

...Итак, был пустырь. Теперь Лесной порт. У причала стоят лесовозы. Наши и «иностранцы». Директор порта Виктор Тимофеевич Шупеня, не отворачиваясь от хлесткого зимнего ветра, знакомит с территорией, с людьми. Один из причалов. Бригада грузчиков. Ребята из тех, которым и норд-ост нипочем. Кое-кто даже с непокрытой головой — модничают или жарковато грузить «пакеты»? «Спортсмены»,— вносит ясность директор. Бригадир Иван Денисович Сулимов в Лесном порту человек очень уважаемый. Он тренирует команду, которая вот уже второй сезон подряд отличается в первенстве края по футболу среди производственных коллективов.

— Левый край, не зевай!

Красиво работают. Отвлекать их просто грех. Под погрузкой «иностранец». Время — деньги! Таков главный лозунг (и стимул) в Лесном порту. Эта до предела сжатая формула выражает сущность экономических, организационных и технических преобразований, осуществленных здесь за пятилетку. Обо всем новом Виктор Тимофеевич рассказывает тут же, на причале, под аккомпанемент настырного норд-оста:

— Клиентура — восемнадцать стран мира. Причалы тянутся на шестьсот метров, а всего под лесом — шестьдесят гектаров. В коллективе каждый четвертый коммунист или комсомолец. Средний возраст — около тридцати лет. Быть может, поэтому не ленимся искать, совершенствовать работу. Да и живем весело, дружно.

Видимо, все это комментарии к другой главной цифре: проектная мощность рассчитана на 750 тысяч кубометров леса, а в 1970 году порт продал 900 тысяч! Любимое выражение Виктора Тимофеевича: «За окном век научного и технического прогресса!..» Самый характер задач экспортного предприятия ко многому обязывает. Главная из них — максимально удовлетворить запросы покупателя. Пиломатериалы поступают со всех лесных угодий страны: с Карпат, с Урала, из Сибири... В год до 30 тысяч вагонов. Брус и доска имеют различные размеры, различное назначение. Сорторазмеров многие сотни. В один штабель такое богатство не свалишь — не дрова. У каждого сорторазмера свое место. Заказ от какой-либо зарубежной фирмы получает оперативный отдел. Он и сообщает мастеру участка: нужен такой-то набор. Короче, заморский купец ждет костюм определенного фасона, цвета, размера. И люди здесь подбирают нужную «ткань», «пуговицы», «подкладку», «отделку»... Причем ждать заказчик, как водится, не любит, к тому же он придирчив. Не дай бог забыть хоть об одной «пуговке»...

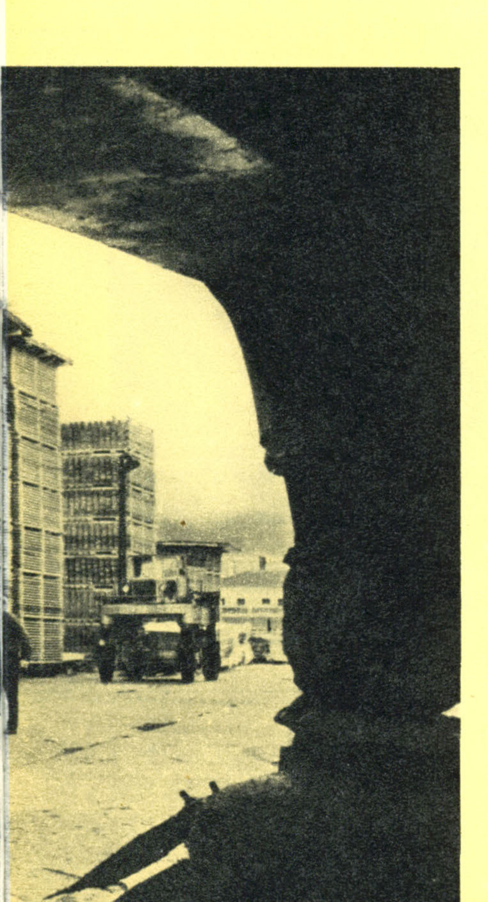
Вот тут-то и начинается хорошо отлаженная карусель! Лесной порт — это город. Здесь свои кварталы — участки, свои улицы, переулки, а штабеля бруса и досок возвышаются, как многоэтажные дома. Заблудиться в таком «городе» ничего не стоит. Но заблудиться нельзя: время — деньги! И капитаны чужестранных кораблей должны быть не только довольны, но по возможности еще и приятно удивлены...

Лично меня поразила способность тружеников порта ориентироваться в своем городе. Туда-сюда, туда-сюда снуют лесовозы. И веют по улочкам особые ветры: морской воздух смешивается тут со смолистым запахом сибирских лесов. И каждый солнечного цвета душистый штабель рассказывает о далеких краях. О русском лесе... И немало, видно, помудрили здесь инженеры и экономисты, прежде чем смогли вот так наладить работу. Два года Лесной порт не знает рекламаций. Все усложняются заказы, все требовательнее и нетерпеливее коммерсанты, а ошибок нет. И в этом заслуга старшего инженера — мастера Сергея Ивановича Басова, бригадиров Людмилы Даниловой, Валерия Икрянникова, крановщика коммуниста Петра Алексеевича Васютина, бессменного члена рабочкома. На них, на их мастерство (глаз — ватерпас!) опираются расчеты тех, кто разработал маршруты лесовозов и принцип размещения пиломатериалов по участкам. Прибыль порта составила восемь миллионов рублей.

Здешняя комплексная бригада — в ее сегодняшнем виде — детище экономической реформы. Бригадир сам подбирает себе человек двенадцать — пятнадцать. Работают без норм, в одну кружку, как здесь говорят. А это само собой значит, что без лишних перекуров. Лодырю спрятаться ни за чью спину нельзя — нет такой спины! Да и прятаться вряд ли выгодно в такой, например, бригаде, как сулимовская.

— Марка «Сделано в СССР» обязывает,— с гордостью говорит В. Т. Шупеня.— Конечно, резервы есть. За окном — век прогресса! Я думаю, что «пакеты» формировать надо сразу на лесозаводах.

...Я прощался с Цемесской бухтой. Ветер превратил ее в глыбистую пашню. По краям черной чаши мерцали огоньки, будто светлячки на летней опушке. В общем-то грустно провожать корабли с нашим лесом... Быстро тает под ветром хвойный запах красивого белотелого товара. Остается пустой причал, просоленный морем. И крепкие парни в бушлатах. Они устало молчат. Наверное, и они успевают полюбить распилованный лес.

УХОДЯТ В МОРЕ ЛЕСОВОЗЫ

Братство

ИТАЛЬЯНСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ — 50 ЛЕТ

ПОЛТОРА МИЛЛИОНА БОРЦОВ

Для истории нашей планеты полвека — срок небольшой, но не тогда, когда речь идет о влиятельной партии рабочего класса, для которой каждый прожитый день — это новый опыт сотен тысяч активистов, опыт, рожденный в острой классовой борьбе, в сложных поисках политических решений в современной Италии.

21 января исполняется 50 лет со дня основания Итальянской коммунистической партии — одного из самых массовых и боевых отрядов международного коммунистического и рабочего движения, действующих в условиях капиталистической страны.

ИКП была основана в 1921 году на волне мощного революционного подъема в мире, под непосредственным влиянием Октябрьской революции и идей В. И. Ленина. Уже в первые годы своего существования молодая партия подвергается жестоким испытаниям: к власти в стране пришел фашизм. Началось мрачное двадцатилетие итальянской истории. Чрезвычайными фашистскими законами запрещена деятельность всех политических партий и массовых организаций трудящихся. Особенно жестоким репрессиям подвергаются коммунисты. Почти все члены ЦК ИКП и многие сотни руководителей на местах брошены в тюрьмы. Особый фашистский трибунал приговаривает арестованных коммунистов к тюремному заключению в общей сложности на 23 тысячи лет.

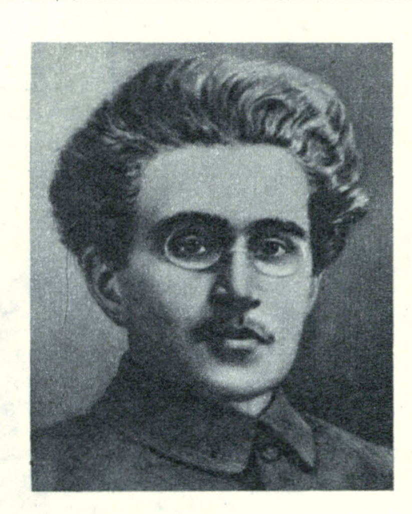
Однако зверства фашизма не сломили боевого духа итальянских коммунистов. В 1926 году партия уходит в глубокое подполье, но ее присутствие в Италии ощущается постоянно: в массовых забастовках трудящихся, говорящих «нет» фашизму, в укрепляющемся антифашистском блоке сил, в мощной массовой кампании солидарности с борющейся Испанией, куда, верные своему интернациональному долгу, добровольцами отправились около двух тысяч итальянских коммунистов.

Когда мировому фашизму был нанесен сокрушительный удар Советской Армией, единство антифашистских сил в стране, завоеванное компартией, стало решающим фактором в мощном движении Сопротивления. Это единство позволило добиться освобождения страны, свергнуть монархию, провозгласить Республику и принять конституцию, записавшую многие демократические принципы. В послевоенные годы в условиях обострения классовой борьбы именно это единство помешало реакционным кругам итальянской буржуазии совершить правые повороты.

Сегодня ИКП — это полтора миллиона самоотверженных борцов, это более 8 миллионов голосов на парламентских выборах 1968 года, это 77 сенаторов-коммунистов и 171 депутат в итальянском парламенте, это 798 мэров-коммунистов в больших и малых городах Италии, не говоря уже о трех «красных» областях страны: Эмилии-Романье, Тоскане и Умбрии,— в каждой из которых коммунисты имеют более сорока процентов голосов.

В сегодняшней Италии компартия — это также боевое рабочее движение, это мощные кампании солидарности с вьетнамским народом, с народами арабских стран, с теми, кто во всем мире борется за мир, демократию, социальную справедливость, прогресс.

А. ЩЕБЛАНОВ

ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ ПАРТИИ

ВСЕМИРНО ПРИЗНАННЫЙ

...Теперь почта со всех концов земли пойдет сюда с новым начертанием адреса — ордена Ленина Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС...

Указом Президиума Верховного Совета СССР институт за большие заслуги в научной разработке, издании, пропаганде идейного наследия К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и в связи с 50-летием со дня основания награжден орденом Ленина. Он украсит фронтон здания института на 3-м Сельскохозяйственном проезде в Москве.

Более полвека назад по личному поручению Владимира Ильича Ленина и под его руководством ученый, большевик В. В. Адоратский начал подготовку переписки К. Маркса и Ф. Энгельса. В ту же пору в двух комнатах на Воздвиженке начал работать Институт Маркса — Энгельса, который тогда располагал всего восьмью рукописями основоположников научного коммунизма.

...Прошло 50 лет. И вот в понедельник, 11 января, в конференц-зале собрались ветераны института и те, кто продолжает начатое ими дело. Это они совершили воистину научный подвиг, подготовив пять изданий Сочинений

Научные сотрудники Центрального партийного архива ордена Ленина Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (слева направо): В. Н. Степанов, Н. В. Муравьева, Ю. А. Ахапкин, В. П. Николаева, А. С. Масальская, К. В. Шахназарова, Л. Н. Цулимова, Э. И. Полякова и Л. Г. Бабиченко.

Фото Б. Кузьмина.

Трудящиеся нашей страны и Монголии отмечают 25-ю годовщину Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Советским Союзом и Монгольской Народной Республикой. Договор был заключен в 1946 году, и его прямым продолжением явился Договор между СССР и МНР, подписанный 15 января 1966 года.

Укрепление разносторонних экономических и научно-технических связей и взаимная помощь братских стран во всех областях жизни, координация усилий дают возможность полнее использовать преимущества социалистического пути развития, успешнее решать как внутренние задачи каждой страны, так и общие проблемы дальнейшего развития содружества стран социализма.

Плодотворное сотрудничество между Советским Союзом и Монгольской Народной Республикой — свидетельство претворения в жизнь ленинских принципов социалистического интернационализма и братской дружбы.

На снимке: Улан-Батор. Молодежная строительная бригада идет на смену.

Фото Ю. Кривоносова.

23 января исполняется 80 лет со дня рождения Антонио Грамши, видного деятеля итальянского и международного рабочего движения, основателя Итальянской коммунистической партии.

В 1913 году Грамши вступил в Социалистическую партию. Вместе с несколькими молодыми социалистами, в числе которых был П. Тольятти, он основал журнал «Ордине нуово», ставший вскоре органом острой идеологической борьбы против реформистов и максималистов в руководстве Социалистической партии. Эта борьба достигает своей высшей точки с образованием в 1921 году под непосредственным влиянием идей В. И. Ленина коммунистической партии — итальянской секции Коммунистического Интернационала. В последующие годы А. Грамши становится Генеральным секретарем ИКП и одним из видных деятелей Коминтерна.

8 ноября 1926 года фашисты арестовали Грамши. Осужденный на двадцать лет тюремного заключения, измученный тяжелыми болезнями, он, однако, не прекращает борьбы. В этот период А. Грамши работает над вопросами политической линии ИКП, много занимается историей Италии, философскими проблемами.

В октябре 1934 года под давлением мощного движения, развернувшегося во всем мире в поддержку Грамши, фашисты «условно освободили» его из тюрьмы, но здоровье революционера было подорвано, и 27 апреля 1937 года Антонио Грамши умер.

Творческое наследие Грамши широко известно во всем мире. Имя его, имя несгибаемого борца, продолжает жить в сердцах коммунистов всего мира, в делах Итальянской коммунистической партии, созданию и укреплению которой Антонио Грамши отдал свою жизнь.

В. И. Ленина, два издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, написали их биографии и посвятили их жизни и деятельности многие научные исследования. На книжных полках читателей всего мира стоят подготовленные научными сотрудниками института тома истории гражданской, Отечественной войн, тома, собравшие резолюции съездов, конференций КПСС и решения Пленумов ЦК КПСС. Сейчас готовится и выпускается многотомная история КПСС.

ИМЛ при ЦК КПСС стал всемирно признанным центром, где сосредоточены документы классиков марксизма-ленинизма. Здесь изучается и обобщается опыт международного коммунистического и рабочего движения.

На торжественном митинге выступил директор института академик П. Н. Федосеев.

— Высокая правительственная награда,— сказал он,— радует нас. Она является оценкой нашего труда, признанием тех больших творческих возможностей, которыми мы располагаем и в разработке исторических проблем и в повседневной, острой борьбе с антикоммунизмом, с ренегатами всех мастей, с тлетворным влиянием буржуазной идеологии. Мы приложим все усилия, чтобы оправдать высокое доверие.

На митинге со словами благодарности партии и правительству выступили заместитель директора института А. А. Соловьев, старейшая научная сотрудница И. А. Бах и ведущие специалисты, кандидаты исторических наук Р. М. Савицкая и Е. П. Подвигина.

Гр. ХАИТ

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

НЕПОКОЛЕБИМАЯ РЕШИМОСТЬ

В. ДМИТРИЕВ

Народ ОАР отмечает свою самую большую победу на созидательном фронте — окончание строительства высотной Асуанской плотины. Мне посчастливилось быть свидетелем завершающих работ на Асуане. Плотина — это центр огромного раскинувшегося вокруг нее трудового плацдарма, с которого народ республики повел решительную битву за новый Египет. Это, пожалуй, главное ощущение, которое охватывает тебя на гигантской стройке. И еще одно сильное впечатление — ощущение в Асуане атмосферы сердечной братской дружбы между народами ОАР и СССР. Помощь нашей страны в сооружении Асуанского комплекса высоко ценит каждый египтянин. Как сказал в свое время Гамаль Абдель Насер, эта плотина «навсегда останется символом бескорыстной арабско-советской дружбы, связывающей народы двух стран во имя высоких идеалов».

События последних недель с новой силой подтвердили прочность и жизненную силу этой дружбы. С 10 по 20 декабря прошлого года в ОАР по приглашению Центрального Комитета Арабского социалистического союза находилась делегация Коммунистической партии Советского Союза. Руководство АСС заявило о своей решимости и впредь осуществлять прогрессивный антиимпериалистический курс в области внешней и внутренней политики, разработанный Насером. Делегации КПСС и АСС обсудили вопросы дальнейшего развития межпартийных связей и договорились о конкретных мероприятиях в этой области.

Еще весной прошлого года в беседе с группой журналистов-огоньковцев тогдашний вице-президент ОАР Анвар Садат говорил: «Мы глубоко верим Советскому Союзу и Коммунистической партии Советского Союза. Для нас являются большой честью и насущной необходимостью постоянные контакты Арабского социалистического союза с КПСС. Если раньше контакты осуществлялись в основном по государственной линии, то сейчас очень большое значение имеют для нас дружеские, деловые отношения между нашими партиями». Пребывание делегации КПСС в ОАР — наглядное подтверждение этих слов.

В конце декабря прошлого года в Советском Союзе находилась с дружественным официальным визитом партийно-правительственная делегация ОАР во главе с вице-президентом ОАР и членом Высшего исполнительного комитета Арабского социалистического союза Али Сабри. В переговорах с делегацией ОАР с советской стороны участвовали товарищи Брежнев, Подгорный, Косыгин и другие официальные лица. Обе стороны выразили удовлетворение состоянием отношений между СССР и ОАР, строящихся на искренней дружбе и плодотворном всестороннем сотрудничестве. Обе стороны подтвердили свою решимость продолжать сотрудничество во всех областях.

Объединенной Арабской Республике приходится одновременно и строить новую жизнь и бороться против израильской агрессии. Вот почему во время переговоров в Москве особое внимание было уделено обсуждению положения на Ближнем Востоке, сложившегося в результате израильской агрессии против ОАР и других арабских государств. Стремление Израиля продолжать оккупацию территорий ОАР и других арабских стран чревато опасными последствиями. Сложность создавшейся ситуации на Ближнем Востоке усугубляется тем, что за спиной израильских экстремистов стоят международные империалистические силы, и прежде всего Соединенные Штаты Америки. К сожалению, каждый новый день приносит все новые доказательства того, как империалистические круги США вдохновляют и поддерживают израильскую агрессивную политику. Так, американский сенатор Джексон, тесно связанный и с военно-промышленным комплексом США, и с международным сионизмом, и с ястребами из Тель-Авива, выступил с речью, направленной на дальнейшее увеличение напряженности в районе Ближнего Востока. Высказанные Джексоном положения повторил в своем очередном выступлении на пресс-конференции государственный секретарь США Роджерс. Таким образом, личные измышления сенатора возводятся уже в ранг официальной политики Вашингтона.

Советский Союз искренне стремится к установлению прочного мира на Ближнем Востоке. Это еще раз было подтверждено в ответах Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина на вопросы японской газеты «Асахи». Товарищ Косыгин напомнил, что Советский Союз выступает за политическое решение ближневосточного кризиса на основе выполнения резолюции Совета Безопасности ООН от 22 ноября 1967 года во всех ее положениях. Но политическому урегулированию кризиса в этом районе по-прежнему мешает обструкционистская позиция Израиля и поддерживающих его США.

Тщетны потуги врагов мира на Ближнем Востоке. Они обречены на провал. Президент ОАР Анвар Садат сказал в канун наступившего года: «Народ Объединенной Арабской Республики вступает в 1971 год с непоколебимой решимостью следовать избранному им пути, пути социалистических преобразований, борьбы против империализма, борьбы за освобождение захваченной израильскими агрессорами территории». За этими словами — непреклонная воля арабского народа, солидарность с его справедливой борьбой прогрессивных сил всего мира.

КОММУНИСТЫ ВСЕГДА ВПЕРЕДИ

ВЗВОЛНОВАННАЯ ДУША

Ия МЕСХИ

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Секретарь Ванского райкома партии Гиви Кипиани.

Ни железнодорожные пути, ни автомагистрали к местечку Вани и близко не подходят. Проложен на Колхидской низменности заурядный «асфальт» местного значения. От шумных перекрестков и дымных труб ведет он к отрогам могучего Месхетского хребта. И с дороги кажется, что горы стоят, как взволнованные болельщики на своих трибунах. Поближе—безлесные холмы, а в самых дальних рядах — высокие, взъерошенные вершины. Вы скажете: горы не могут волноваться! Конечно, волнуемся мы, люди, которые любим их. А в этих краях воображение работает особенно пылко, именно ванские земли дали Грузии таких больших советских поэтов, как Галактион Табидзе, как Тициан Табидзе. Родился и вырос здесь Владимир Маяковский — село Багдади соседствует с Вани. Это те самые горные перевалы, куда брал с собой Володю в верховые объезды его отец. Как хотите, а для волнения (поэтического волнения!) этот кусочек планеты хорошо оборудован!..

Но что все-таки происходит сегодня в Вани? Строится завод? Пускается ГЭС? Ни то ни другое — просто уже много лет работают тут археологи, раскапывают древний город. Не просто древний, а очень древний, существовавший две с половиной тысячи лет тому назад. И это, конечно, примечательно.

Обычно экспедиция появлялась здесь в сезон и тихо, обособленно занималась на холме своими делами. Ванцы тоже были сами по себе, если не считать землекопов из местных. Но однажды в Ванском райкоме партии рассматривался проект маленькой сельской дороги. Новый секретарь райкома — он только что приступил к работе, человек молодой, горячий,— предложил спрямить дорогу и повести ее через холмы, мимо археологических раскопок: и короче путь и ученым помощь!..

Начали строить. И тут потянулась цепь...

Дорожники наткнулись на городские ворота античных времен. Археологи встрепенулись. Обнаружилась старинная городская стена. Открылись погребения, и в них очень много изделий из золота, серебра, бронзы. Утварь, оружие, керамика. Сохранность поразительная. Совершенство искусства древних колхидских мастеров не оставляло никого равнодушным.

О ванских раскопках заговорили повсюду. В Вани зачастили гости. Не в сегодняшнее, а в то, которое начало проступать из-под вековых напластований. Говорили о значении этого города в истории древнегрузинской культуры, о его блеске и великолепии... А сегодняшнее Вани с его тружениками, целиком погруженными в заботы о виноградниках, садах, чайных плантациях, в заботы о кормах для скота, по-прежнему оставалось само по себе.

Мысль об этом не покидала и беспокоила секретаря. Если люди, тысячелетия тому назад ходившие по этой земле, могли делать такое, почему же мы уткнулись только в добычу хлеба насущного? Он собрал молодежь, школьников старших классов, предоставил слово руководителю археологических работ, сам произнес взволнованную речь. Что с того, что он агроном по профессии, а по призванию партийный работник? Ванские находки растревожили его. Молодежь должна участвовать в поисках, своими глазами увидеть шедевры золотых дел мастеров, скульпторов и керамистов, задуматься над тем, что есть красота... С помощью молодых бескорыстных помощников дела у археологов пошли быстрее, чем об этом можно было мечтать. Но случилось и другое: ребята как-то притихли. Меньше стало драк, пустого времяпрепровождения, многие стали рисовать, лепить из пластилина.

— Товарищи! — горячился секретарь райкома.— Обратите внимание на эту перемену! Такое настроение надо поддержать. И давайте подумаем, как...

К этому времени уже сколотился крепкий актив, появились энергия, инициатива, которые раньше как бы тлели под слоем пепла. Заведующий Ванским отделом народного образования вызвался найти для ребят хорошего художника.

— Неужели какой-нибудь чудак поедет из столицы в наше захолустье? — удивлялись люди.

Но вот смутился душой один: скульптор с академическим образованием, мастер чеканки по металлу, человек, имеющий в Тбилиси мастерскую, заказы...

Сначала он приезжал в Вани раз в месяц, знакомился, отбирал способных, занимался с ними. Потом стал ездить раз в неделю. Уж очень ребята хороши! Тем временем секретарь райкома партии обрушивал на него всю силу своего темперамента, а заведующий отделом народного образования тихо, но убедительно говорил ему о благородстве миссии... Дрогнуло сердце. Оставил человек столичный город и водворился в Вани со всей своей семьей. Его жена, художница, специалист по керамике, тоже включилась в работу с детьми.

И зародилась в Вани необычная, нестандартная школа, для которой выстроили здание на красивом холме, школа с классами, мастерскими, общежитием для «иногородних». Секретарь собирал родителей, объяснял им что к чему. Десятки мальчиков и девочек начали обучаться художественному ремеслу и постигать тайны искусства, потом стали принимать участие в выставках — сначала республиканских и союзных, потом международных...

В Вани строился комплекс: стадион, бассейн. Вокруг — типично колхидские топи, непролазная грязь. Засыпали топи землей и сложили на улице под горой каменную стену. На воскресниках вожак коммунистов Вани работал вместе со всеми. Не примера ради — просто он иначе не мог.

— А вот здесь, на этой стене,— предложил он как-то,— давайте сделаем выставку детских чеканных работ. И пусть на каждой будет подпись автора!

Так и сделали. И пошло, пошло!.. Скульптуры в поэтическом сквере. На перекрестках обелиски с чеканными силуэтами людей, чьи имена носят улицы. Скульптуры на подходах к Вани. И все — руками молодежи, гордой своим новым, удивительным местом в жизни. Ведь учитель сказал, что теперь каждый, кто будет кончать эту школу, подарит Вани свою большую работу...

Может быть (и даже наверняка), все это еще несовершенно, далеко от искусства великих ванских мастеров прошлого. Но минуло всего лишь пять лет с того дня, когда обнаружили сокровища на холме! Три года назад появился в Вани учитель. Что будет через пять и еще через пять лет? Ведь люди теперь живут здесь мечтой, жгучей и дерзкой!

Кстати, о делах земных. Не забыты ли они в угаре увлечения эстетикой? Нет, не забыты. Об этом говорит хотя бы то, что ванский колхозник, получавший пять лет назад по 50 копеек на трудодень, теперь стал получать по 4 рубля. Основательно вторгается в колхозную экономику райком партии и его новый секретарь. Труженики стали жить еще лучше, а дети их учатся в новых школах: четырнадцать школ построили здесь за пятилетие, тогда как за предыдущие тридцать лет — только две.

А как строили пионерский городок? Сами! Все население, и стар и мал, выкармливало шелковичных червей и сдавало коконы государству. Ходили в лес, собирали дикий гранат, дикую грушу, лекарственные травы и сдавали государству. Выращивали на приусадебных участках знаменитый двухурожайный ванский лук и сдавали государству. Собрали таким образом солидную сумму и построили первую очередь городка на Гадиденской горе. Сейчас сколачивают деньги на вторую. И неизвестно, что тут важнее,— что есть городок или что научились дружно и весело решать доселе якобы неразрешимые проблемы.

Появился в Вани у партийного руля новый человек. Ничего не смог бы он сделать один, будь даже семи пядей во лбу. Просто он разжег энтузиазм людей, потому что сам горит...

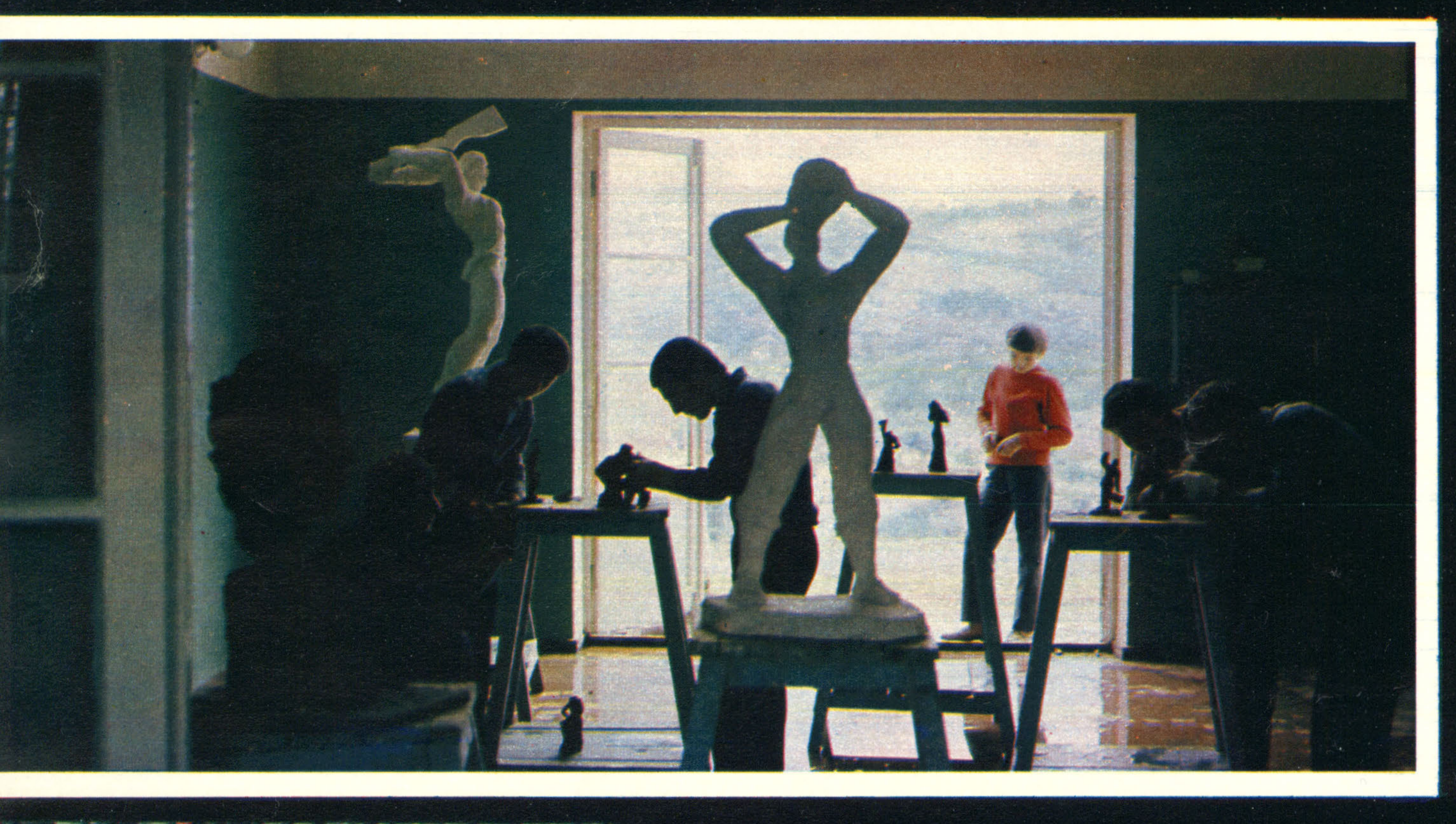
Теперь можно назвать имена действующих лиц этой маленькой оптимистической истории. Секретарь Ванского райкома партии Гиви Кипиани. Заведующий отделом народного образования коммунист Михаил Хардзейшвили. Скульптор Дмитрий Кипшидзе и керамист Сюзанна Велиани. А за ними много болельщиков — и в самом Вани и за его пределами, даже те же горы, которые уже и тем активны, что очень хороши собой...

Скульптор Дмитрий Кипшидзе с будущими художниками, чеканщиками, скульпторами.

«Медея» высечена из камня руками учителя и его учеников.

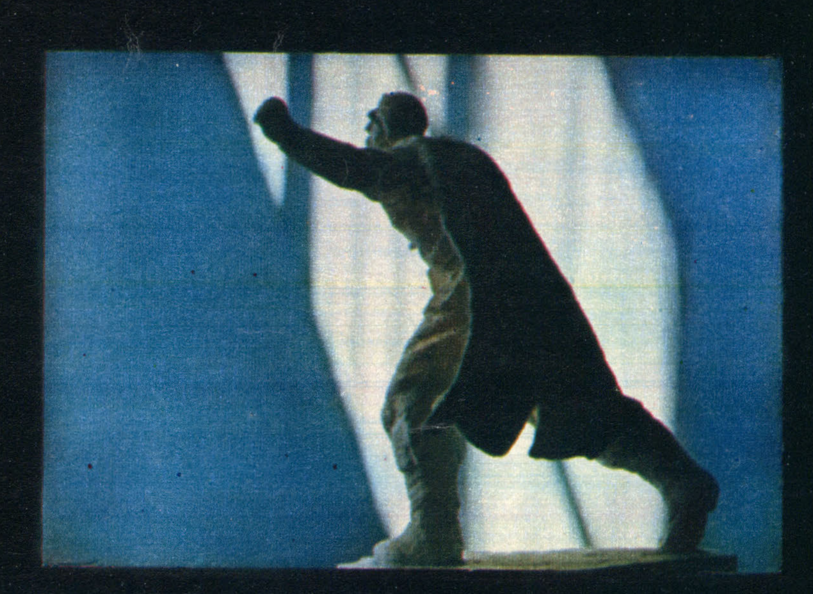
У подножия холма раскинулось село Вани.

Занятия в классе скульптуры.

«Бои петухов». Барельеф на камне.

Скульптура «Отец солдата».

Памятник поэту Галактиону Табидзе и героям его произведений воздвигнут в сельском сквере.

НАШ ЮБИЛЕЙНЫЙ ТОСТ

Начало см. на стр. 1.

ших с мечом, от меча же здесь и погибли. А сколько добрых гостей стали хорошими друзьями! Никто не может назвать день рождения этой многострадальной страны, но если спросишь ты даже у столетнего аксакала, он ответит: «Моему Дагестану 50 лет!»

Как странно поверить сегодня, что в той стране, где «через саклю — поэт, а через две — прозаик», где сегодня выходят книги на семи-восьми языках, где общий тираж выпускаемых на русском языке в центральных издательствах книг писателей и поэтов Дагестана в несколько раз превышает численность его населения, что в этой стране до Октября было совсем мало грамотных!

А судьбы тех, кто сочинял песни, были чернее безлунной ночи в горах. Горы помнят, как убивали аварского лирика Махмуда, угоняли в Сибирь кумыкского классика Ирчи Казака, выкалывали глаза лезгину Саиду Кочхюрскому. А первой женщине-горянке Анхил Марин, осмелившейся сочинить песню, зашили рот: женщине дозволялось только причитать, оплакивая умершего. Но не умолкали песни в устах смелых, они пели о страданиях народа, призывали к борьбе и свободе. Так жили веками. Рассказывают, что самым жестоким наказанием у ханов было оставить провинившегося в метельную ночь на ледяной горе раздетым донага. «Останешься в живых, будешь свободным»,— ухмылялся хан. Никто, конечно, не выживал. Но однажды случилось чудо. На горе несли наказание семь отважных представителей семи народов. Семь вершин — одна выше другой, и на них вековой лед. Бушует метель, наметая снежные сугробы. И вдруг вдали на большой горе вспыхнул большой костер, а ветер на своих холодных крыльях донес до них теплые, добрые слова: «Ваши друзья зажгли огонь, не замерзайте!» Целую ночь напролет они смотрели на пляшущий свет вдали, и им было тепло. Растаял лед на ресницах. Каждому казалось, что он возле горящего очага в доме друга. И мысли эти согревали их. Какая зима, какая ледяная гора, метель может убить тепло дружбы! Поднималась на востоке алая заря, пришли на вершину посланцы хана — бросить в пропасть заледеневшие трупы. Но семеро отважных, согретые загадочным далеким огнем, были живы. Они не спустились к хану, а пошли на гору, где был разложен неведомым другом спасительный костер. Эти семеро говорили на разных языках, они не понимали друг друга. Они шли молча, голые, ободранные, голодные, усталые. И наконец увидели человека с факелом в руках. Это был их друг. Горцы привыкли открывать сердца другу. Они расстелили перед ним ковер своей души, и каждый на своем языке рассказал свое горе. Но тот человек понимал все языки, а каждый из семерых говорил об одном и том же: о хлебе, о свободе. И друг указал им, по какому пути пойти с факелом света. Они подхватили этот факел, мужественные сыны Дагестана — Уллубий Буйнакский, Махач Дахадаев, Кази-Магомед Агасиев, Султан-Саид Казбеков, Алибек Багатыров, Зайналабид Батырмурзаев, Гарун Саидов, а за ними и многие другие легендарные герои, отдавшие всю свою жизнь за победу новой, светлой жизни. Свет этот горцы назвали Светом Октября, а тот язык, который стал понятен всем народностям Дагестана, мы называем языком старшего брата и друга, языком Ленина.

Документы свидетельствуют, какое большое внимание Ленин уделял моей маленькой стране. Вскоре после установления Советской власти в Дагестане он писал: «Орошение больше всего нужно и больше всего пересоздаст край, возродит его, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму». По этому призыву сорок тысяч строителей вышли на израненный камнями берег Сулака.

Здесь, на этом берегу, соединились все языки. Из бюджета разоренной страны Ленин выделил деньги для строителей канала, мы называем их «спасительными деньгами». В то время женщины в горах не могли даже выходить за водой, потому что были почти голые, и глашатай каждый день кричал: «Мужчины, расходитесь по домам, сейчас женщины должны идти за водой!» И опять на помощь пришел друг — он прислал из Москвы в Дагестан ткань. В тот день, когда впервые голубая вода пошла по каналу, дагестанцы решили назвать свой первый канал именем Октябрьской революции.

А позднее, когда на этой буйной реке построили крупнейшую на Северном Кавказе Чирюртовскую ГЭС и озарились светом горные аулы, горцы назвали этот свет лампочкой Ильича.

Наш гость дорогой, может, ты устал стоять на горе? Желание гостя — закон для хозяина. Где бы ты хотел провести свой первый вечер? Может, пригласить тебя на концерт прославленного во всем мире задорными танцами ансамбля «Лезгинка»? Сегодня творческий вечер народной артистки СССР Барият Мурадовой. Счастливчиками называют обладателей билетов, когда выступает Барият. Нелегким был ее путь. Она первой из девушек Дагестана вышла на сцену. Не раз Барият закидывали на сцене камнями, смертью угрожали, но она смело шла к своей цели. Сегодня в Кумыкском музыкально-драматическом театре идет пьеса Умукусум Мантаевой «Сельская девушка». В Аварском театре — премьера «Медеи».

А может быть, поднимемся в тот ближайший аул, что висит на груди горы, словно амулет? Посмотри, сколько солнца звенит в его застекленных верандах, как сверкают утренней росой железные крыши домов. Смело ступай на тропу!

Вот первый житель аула — Али-Курбан. Этот столетний старик недавно ушел на пенсию и теперь живет один в большом доме со своей Хатун. Два его сына погибли на войне, дочь живет в доме своего мужа. Поэтому Али-Курбан всегда старается первым встретить гостя и пригласить его к себе.

Странный человек Али-Курбан. Последняя встреча моя с ним произошла минувшим летом. Я шла мимо мединститута. До приемных экзаменов оставалось еще несколько дней, поэтому я не ожидала увидеть здесь «болельщиков».

Каково же было мое удивление, когда навстречу мне поднялись Али-Курбан и его Хатун.

— Добрый час, какими судьбами? — вскрикнула я, обнимая их.

— Внучка поступает в мединститут.

— Пусть поступает, не надо ей мешать,— отвечаю я.

— Пусть поступает, иншааллах[1], разве мы против? Мы болеть приехали!

[1] Иншааллах — бог поможет.

Юсуп ХАППАЛАЕВ,
народный поэт Дагестана

РОДИНЕ

Знаю я: солнце
Луны теплей.
Знаю я: утро
Ночи светлей.
Знаю я: птица,
Как ни мала,
Дарит кому-то
Легкость крыла.
Вот и тебе я
Все отдаю,
Лишь бы взяла ты
Жаркость мою.

Перевел с лакского
Г. КОРИН.

— Неужели? А помните тогда...

— Помню, доченька, помню, ты тогда правильно сделала, что не послушала нас,— ответил, опуская голову, Али-Курбан.

Как он изменился, этот человек! Сразу же после войны по аулам ездили преподаватели открытого специально для горянок женского пединститута набирать студенток. Сколько обид им пришлось проглотить, каждую студентку со слезами вырывали. Однажды я возвращалась из школы. Слышу крик во дворе Сайгид-Гусейна, брата Али-Курбана. Любопытная, конечно, была я девчонка — заглядываю: посреди двора стоят двое приезжих, племянница Али-Курбана, а он сам, стуча палкой по ступеням лестницы, кричит: «Пока на моей голове красуется папаха, пока люди на сходке уступают мне место, пока в своем роду я самый старший, слово мое имеет вес, равный этим горам. Говорю в первый и последний раз: племянница моя не переступит порог этого дома!» И ушел, даже не обернувшись. Через несколько лет, когда мать провожала меня на учебу, Али-Курбан тоже ворчал: «Женщине не положено знать даже цифры на деньгах, не то что читать и писать».

Сегодня он сам привез внучку учиться да еще и переживает за нее.

— Она обязательно поступит, дядя Али-Курбан, ведь у нас в республике пять высших учебных заведений, в том числе и университет!— успокоила я его.

— Иншааллах, поступит, иначе стыдно, ведь все девушки из нашего села учатся, не хотел бы, чтобы она — моя внучка — среди них была как несозревший плод. И вообще не знаю, доченька, что будет через несколько лет. Все чабаны и все доярки тоже, наверное, будут с высшим образованием! — вздохнул он.

А потом Али-Курбан жаловался мне на странные выходки председателя райисполкома. Правда, я и раньше слышала, как Али-Курбан протестовал против строительства гостиницы в районном центре. А когда начали работу, пришел, сел на фундамент и заплакал: «Это же позор нам, горцам, выходит, мы говорим: наши дорогие кунаки и друзья, вот вам дом, захватите денег с собой, чтобы заплатить за питание и жилье. Где это слыхано! Если вам всем трудно принимать гостей, посылайте их ко мне». Как ему ни объясняли, Али-Курбан стоял на своем.

Когда я недавно приехала в свой родной аул, у меня тоже были подобные «огорчения». Человек, выросший в ауле, всегда чувствует себя в городе, как в гостях, где-то в уголке сердца таится молчаливая грусть. Ведь то, что увидел и впитал в детстве,— это как резьба на скалах. Еще в самолете я представляла, как надену белую шаль с шелковыми кистями, поставлю на плечо медный кувшин и пойду одна, любуясь красотой этих голых скал, по знакомым тропинкам далеко за аул, вспоминая свое детство. Сразу же солнце упадет на кувшин, на мои серьги, на мое кольцо, и зрачки мои станут маленькими солнцами, и соберу я строчки для новых стихов, как росинки с цветов. Я мечтала посидеть у открытого очага, вдыхая тепло синего пламени кизяков; размешивать красные угольки железными щипцами, как это делала моя мать, и ловить сердцем горячие искорки, чтобы вложить их в стихи. Я хотела показать все это и моему сыну Махачику, я его взяла с собой, чтобы он лучше стал говорить по-аварски, пожив среди аульских детей.

Немного отдохнув в отцовском доме, я первым делом зашла к старой Рахмат, как это делают все приезжие. Рахмат была одинокая женщина — муж и единственный сын погибли на войне. Ее любили за характер и доброту. Помню, когда ей принесли пенсию за погибших, она сказала: «Что вы мне даете деньги, думаете, я не проживу? Они нужнее сейчас стране, сделайте на эти деньги хотя бы пули, чтобы отомстить врагу».

Немного посидев с ней, я взяла в руки кувшин: «Тетя Рахмат, я принесу тебе воды из горного родника». «Что ты, доченька, баркала[2],— удивилась Рахмат.— Вот же около очага кран, уже три года, как мне в дом колхоз провел воду. Раньше, помнишь, за водой ходили три версты». «Тогда я возьму кизяки, зажгу очаг и приготовлю тебе хинкал». «Уже два го-

[2] Спасибо.

да я не зажигаю очага, Шарапудин же шофер, он мне всегда вовремя привозит из города баллон с голубым огнем. Хороший сосед! Весь аул обеспечивает». Каково же было мое удивление, когда я увидела здесь и газовую плиту. Такие же «разочарования» ждали меня во многих домах.

...Слишком я что-то увлеклась воспоминаниями. Мудрость гласит: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Гость дорогой, мы гораздо больше можем тебе показать, чем рассказать. Ты знаешь, что в Дагестане до Октября не было ни одного рабочего, и тебе интересно будет посмотреть первый в Советском Союзе механизированный стекольный завод, первенец нашей социалистической индустрии, завод «Дагестанские огни», текстильную фабрику имени III Интернационала, завод имени Магомеда Гаджиева, завод текстильного стекловолокна... Побывай на строительстве Чиркейской гидроэлектростанции, и ты увидишь здесь не сказочных богатырей, плечом касающихся неба, а обыкновенных людей, услышишь грохот рушащихся скал, рев меняющей русло реки, гул медленно ползущих по горным перевалам великанов — «БЕЛАЗов», скрежет экскаваторов «Уралец», сражающихся с вековыми скалами. Встав на вершине самого высокого утеса, охвати взором горы, ущелья и экзотический старинный аул Чиркей. Скоро все это уйдет под воду Чиркейского моря. А там, на высоте орлиного полета, видишь, вырос новый поселок с горячим названием «Дружба». Поднимись туда вечером, и ты услышишь песни на всех языках нашей необъятной Родины.

Увидев все это воочию, ты поймешь, почему новому поселку дали такое доброе имя.

Да, горцы умеют дружить и ценить настоящую дружбу. Трудно найти другую республику, где так много языков и народностей — что ни аул, то свой язык, свой обычай. Теперь нет границ между аулами, между языками, между народностями, между сердцами людей.

Одной из самых больших проблем в Дагестане было переселение из скудных высокогорных районов на просторные равнинные земли. Сейчас в новых поселках смешались все народности Дагестана.

Говорят, когда у одного мудреца спросили: «Сколько у тебя друзей?» — он ответил: «Не знаю, у меня еще не было беды». Преданность дружбе и Родине горцы показали, когда грянула война, когда на границе Родины вспыхнул огонь. Мой горный Дагестан величиною со сжатый кулак дал Отчизне сорок шесть Героев Советского Союза. Вся страна гордится отвагой дважды Героя Советского Союза Амет-Хана Султана, бесстрашием легендарного подводника Магомеда Гаджиева, доблестью Ризвана Сулейманова, находчивостью и храбростью Юсупа Акаева, снайперским мастерством Саада Алиева и многими другими.

Цену дружбы дагестанцы почувствовали на себе не раз, но особенно свежа в памяти ночь 14 мая 1970 года — ночь землетрясения. Не прошло и получаса после страшного толчка, как студенты вузов, рабочие, стоявшие за станками, оставили свою смену, без зова, сами сразу же пришли на помощь. Самолеты с медикаментами, продуктами, одеждой приземлялись день и ночь. На них горящие красные буквы, отсвет того загадочного огня, который замерзающие горцы увидели когда-то на горе: «Москва», «Калининград», «Ташкент», «Уфа», «Украина», «Белоруссия»... Когда в разрушенный от землетрясения аул Зубутль приехали представительницы женщин грузинского города Поти и стали надевать на детей привезенную одежду, одаривать их куклами, я не выдержала, заплакала, как и многие женщины. Эти наши слезы были слезами благодарности и признательности всем нашим друзьям, протянувшим нам руку помощи в беде.

Ты, наш гость, слишком не увлекайся, береги свое восхищение и удивление: ведь мы еще не показали тебе аула Кубачи, прославленного во всем мире своими изделиями из серебра и золота, которые не раз занимали первые места на международных выставках. Ты не любовался еще мастерицами, ткущими знаменитые дагестанские ковры. Руки их проворны, словно крылья птиц, порою трудно уловить, в каком порядке тонкие, гибкие пальцы перебирают разноцветные нити пряжи, вяжут узлы. Эти ковры мы отправляем не только во многие города страны, но и за границу. Ты не пробовал еще воды из загадочных изделий балхарских женщин. Говорят, что в этих глиняных кувшинах вода приобретает вкус жизни. Ты не слышал, что дагестанская бурка — спутник чабана, боевой друг воинов, не раз согревавшая их в метель и дождь,— вошла в песни и пословицы. Поднимемся в аул Рахота, и андийки накинут на твои плечи эту бурку. Почему-то я сейчас вспомнила делегацию журналистов из капиталистических стран, приехавшую в Дагестан три года тому назад. Говорят, что они сами выбрали себе маршрут и пожелали побывать в этой «фольклорной стране». Что же, добро пожаловать, ответили мы. Но в первый же вечер, когда они попали на концерт заслуженной артистки Дагестана Рены Эффендиевой и послушали в первом отделении музыку народов Дагестана, а во втором — мировую классику, иллюзия «фольклорной страны» рассеялась, как дым. А побывав в Дагестанском филиале Академии наук и побеседовав с членом-корреспондентом Академии наук СССР Х. И. Амирхановым, профессорами Сакинат Гаджиевой, Унейзат Мейлановой, каждый из них, наверное, думал: «Хороша фольклорная страна, где 57 докторов и 700 кандидатов наук!»

Балет известного не только в нашей стране, но и за рубежом композитора Мурада Кажлаева с успехом идет в Академическом театре оперы и балета имени С. М. Кирова в Ленинграде. В дни юбилея в том же театре будет премьера оперы «Горцы» молодого композитора Ширвани Чалаева. Изделия заслуженной художницы Манабы Магомедовой покоряют сердца ценителей искусства не только в нашей стране, но и во многих странах мира.

Помню, как эти журналисты заглянули в Союз писателей и с особым интересом беседовали с нами, женщинами-писательницами. Когда у них в руках очутились наши книги, изданные на родных и русском языках в Дагестане и в Москве, они переглядывались: «Не подделка ли это?» Но факты — они упрямы. Один из журналистов подошел ко мне, желая узнать поподробнее мою жизнь. Вот что я ему рассказала: «Отца не помню, он погиб на боевом посту, мать работала санитаркой в больнице, она вырастила нас четверых, всем нам дала высшее образование, двое получили его в Москве, я окончила Литературный институт имени Горького, а младшая сестра — Сельскохозяйственную академию имени Тимирязева. Теперь наша мама — пенсионерка, она отдыхает, а мы все четверо трудимся, чтобы отблагодарить нашу Родину».

Мы понимаем, что в день юбилея республики все наши многочисленные друзья не смогут приехать и посидеть с нами за праздничным столом, но мы знаем: где бы вы, друзья наши, ни были, в какой бы республике ни находились, мы можем найти вас по радостному свету, полыхающему в ваших глазах, вы этот свет бережете для нас, как Рахмат ставила когда-то на окно лампу с языком яркого пламени, чтобы гость не заблудился в горах. Мы можем в любую морозную ночь согревать себе душу теплом, которое вы бережете в своих сердцах, как берегла тогда Рахмат в своем очаге.

А наш первый юбилейный тост — в рогах с серебряной насечкой, с коньяком, имеющим запах солнца и аромат земли. Мы поднимаем их высоко над головой, пока тамада говорит свое слово: «Мы желаем вам, друзья наши, чтобы всегда в очаге у вас горел огонь, в кувшинах плескалось вино, в сердцах полыхало пламя любви, чтобы в доме у вас не умолкали мудрые советы старика, чтобы в колыбели резвилось дитя, чтобы в доме не утихали песни женщин, чтобы всегда к столбу ваших ворот был привязан конь, на котором к вам приехал друг, чтобы друзья ваши, как ветер могучий, уносили ваши беды от вас, словно осенние листья с деревьев, чтобы друзья для ваших радостей были, как пламя, разжигали его, как костер. Друзья, за вас наш первый тост. Желаем вам столько хорошего, сколько мы могли бы пожелать самим себе!»

Абуталиб ГАФУРОВ,
народный поэт Дагестана

ЖЕЛАНИЕ МАСТЕРА

Когда лудильщиком я был,
Скитался я повсюду.
Свою работу я любил,
Когда лудил посуду.
Я научился так владеть
Лудильным ремеслом,
Что под моей рукою медь
Сверкала серебром.

Когда же мастером я стал
Серебряных изделий,
Я обрабатывал металл,
Стремясь к желанной цели.
Его искусно и хитро
Я изучил насквозь,
В моих издельях серебро,
Как золото, зажглось.

Со мною вместе время шло,
Года неслись над миром.
Сменить решил я ремесло,
И стал я ювелиром.
Но поисков не прекращал:
Ведь в поисках — талант,
И золото я превращал
В чистейший бриллиант.

Привык я к новому труду,
Иной талант мне нужен.
Друзья, где слово я найду
Ценнее всех жемчужин?
Хочу найти заветный стих,
Что был бы драгоценен:
Чтоб состоял из слов простых,
В которых жил бы Ленин.

Перевел с лакского
С. ЛИПКИН.

Газим-Бег БАГАНДОВ

СОСЕДКА

Я снова встретил женщину седую,
Соседку,
На окраине села.
Она, как будто на клюку кривую,
На горе опираясь,
Тихо шла.

Сейчас она домой вернется снова
И будет ждать...
Ей кажется: вот-вот
Из камня искру высечет подкова,
И сын, пригнувшись, в комнату
войдет.

Она бы море людям протянула,
Подняв его за каменное дно,
Лишь только б сына
Ей война вернула.
Хотя бы дряхлым старцем —
Все равно...

* * *

Так уж, видно, повелось веками —
Если все спокойно на земле,
Своему отцу надгробный камень
Ставит сын на кладбище в селе.

Так уж, видно, повелось веками —
Если свищет над землей свинец,
Ставит сыну надмогильный камень
На развилке двух дорог отец.

Перевел с даргинского
Олег ДМИТРИЕВ.

Владимир **ПАХОМОВ**

ЭТОТ СТРАННЫЙ СЕЗОН

В. Старшинов в борьбе с А. Рагулиным.

Фото А. БОЧИНИНА.

В нашем хоккейном мире в последние годы стояло относительное затишье. Азартных матчей, правда, было немало, но расстановка сил каждый сезон неизменно повторялась: ЦСКА и «Спартак» начиная с 1962 года — претенденты на лидерство, московские динамовцы — почти всегда кавалеры бронзовых медалей, «Химик» и СКА — претенденты на четвертые, пятые места.

В нынешнем сезоне все перемешалось. Частые поражения ЦСКА и «Спартака» сменялись матчами, в которых фавориты последних турниров не столько завоевывали очередные два очка, сколько цеплялись за ничью (чего с ними прежде не случалось), а лидером чемпионата стали московские динамовцы (первое поражение команда потерпела лишь в 18-м туре).

Хорошо, конечно, когда сюжет домашнего чемпионата интригует, но поклонников хоккея волновал немаловажный вопрос: сможет ли при этой ситуации наша сборная, которая, как известно, формируется на базе ЦСКА, отстоять свой чемпионский титул на первенстве мира 1971 года?

Первые ответы дал очередной московский международный турнир на приз газеты «Известия». Еще до его открытия стало известно, что внезапные срывы традиционных лидеров, победы над ними воскресенского «Химика» и ленинградского СКА не повлияли на формирование сборной. Она выступила почти в том же составе, что и на последнем первенстве мира, и лишь три хоккеиста — А. Белоножкин и Ю. Чичурин, партнеры А. Мальцева, лучшего бомбардира чемпионата, а также А. Сырцов из «Химика» — были впервые включены в сборную команду.

Но вот начался турнир, и оказалось, что Белоножкин и Чичурин не могут играть на уровне мировых стандартов. В связи с этим мне вспомнилась сентенция одного из тренеров сборной: «Мало быть молодым и азартным, надо еще играть в силу бывалых чемпионов мира!» Мудрые слова! Но вся беда в том, что Белоножкин и Чичурин к тому же не так уж молоды. Каждому из них по 23 года! Иначе говоря, они всего на год моложе В. Петрова и В. Викулова, многократных чемпионов мира. Да и А. Сырцов — зрелый хоккеист, ему 22 года.

И все же, несмотря на то, что нападение сборной не получило пополнения высокого класса, здесь наши дела не так уж плохи. Нет-нет да тряхнет стариной А. Фирсов. Несколько неожиданно возникшая перед последней игрой тройка В. Викулов — В. Старшинов — А. Фирсов учинила шведам подлинный разгром. Вот-вот разыграется тройка В. Петрова. Азартные действия А. Мальцева, его все больше проявляющаяся тактическая сметка говорят о том, что он не случайно стал самым результативным нападающим нынешнего сезона и мог бы добиться еще лучших результатов, если бы имел равноценных партнеров. А вот с защитой дела тревожные.

Единственный новичок в этой линии — Ю. Ляпкин. Но новобранец ли он? Ведь год назад Ляпкин уже выступал за сборную. По-прежнему охрана ближних подступов к воротам доверена главным образом защитникам ЦСКА, но А. Рагулину, В. Кузькину, И. Ромишевскому с каждым годом становится все труднее пресекать атаки соперников. Ведь им уже по 30 лет, а современный хоккей молодеет на глазах. Причем не только наш отечественный, но и весь мировой. Помнится, еще 8 лет назад в Стокгольме на чемпионате мира играл сорокалетний Н. Сологубов, а на очередном мировом первенстве самым старшим оказался наш вратарь В. Коноваленко, которому 33 года!

Как мы уже отмечали, сборная формируется на базе ЦСКА, а наш многократный чемпион за восемь последних лет практически играл в защите одним и тем же составом — А. Рагулин, В. Кузькин, В. Брежнев, И. Ромишевский, О. Зайцев, а несколько раньше еще Э. Иванов. Да и сегодня защитный костяк команды в общем мало изменился. В рядах защитников ЦСКА — чемпионов мира появился только один новый игрок — В. Лутченко, а все остальные молодые игроки оборонной линии ЦСКА — Г. Цыганков, С. Глухов, В. Смагин,— судя по всему, не устраивают ни армейскую команду, ни сборную. А между тем защитники других клубов не представлены в сборной. «Спартак» имеет в ее рядах лишь одного Е. Поладьева, московское «Динамо» — В. Давыдова.

Что и говорить, картина безрадостная. Одни защитники постарели, другие остановились в росте. Обидно, что наша сборная команда, всегда отличавшаяся на международной арене игроками защитных линий высокого класса, ныне сдает свои позиции. Сейчас уже не все помнят нашу неудачу на чемпионате мира 1961 года, который проходил в Швейцарии. Тогда заканчивало свой славный путь поколение Николая Сологубова, и неудачное выступление защитников сборной во многом объясняет неудачу всей команды. Но после этого в строй вошло поколение Рагулина и Давыдова, и многие годы мы не знали забот. Теперь перед новым чемпионатом в Швейцарии выяснилось, что их некем заменить, а в это время защитные линии наших главных соперников не испытывают недостатка в способных игроках. Уже на протяжении 2—3 лет на мировых чемпионатах чехословацкие защитники Сухи и Хорошовски, швед Сведберг показывают высокие образцы. Они действуют надежно в обороне и уверенно подключаются к атакам. Мы малую результативность наших защитников перекрывали до сих пор меткими бросками форвардов. Но на последнем чемпионате (впервые за 16 лет нашего участия на первенстве мира) уже никто из защитников сборной СССР не забил ни одной шайбы, и это не могло пройти незамеченным.

Конечно, найти достойную замену тому же Рагулину тренерам трудно, но справедливости ради следует сказать и о другом. С меньшей отдачей стали работать хоккейные школы. У нас в хоккее вроде бы стройная подготовка смены, начиная с клуба «Золотая шайба» и кончая всесоюзными соревнованиями для юношей и юниоров. Но теперь даже в наших лучших командах пошла мода на варягов. Даже ЦСКА, который имеет отлично организованную систему подготовки, в нынешнем сезоне принял в свои ряды В. Смагина из «Сибири», В. Чекалкина из свердловского «Автомобилиста», С. Котова из команды СК имени Урицкого, С. Глухова и Ю. Тюрина из «Крыльев Советов». А где питомцы динамовцев, если в состав команды приняты Е. Котлов и В. Девятов из челябинского «Трактора» и В. Назаров из подмосковного города Электросталь?

Международный турнир в Москве показал, что соперники сборной СССР на чемпионате мира 1971 года могут предстать в ином качестве. Чехословацкая команда впервые за многие годы блеснула духом коллективной борьбы, а три поражения шведов еще ни о чем не говорят: шведская команда славится поразительной беспечностью, но она умеет собраться и показать высокое мастерство на чемпионате мира, особенно против фаворитов.

Странный сезон. «Домашний» чемпионат со всеми его неожиданностями многим казался забавным аттракционом, в котором неудачи ЦСКА компенсировались взлетом «Динамо», но первые же международные встречи показали, что нам есть о чем подумать, что многие игроки, вначале заставившие говорить о себе, когда дело дошло до серьезных испытаний, оказались недостаточно подготовленными. И вот теперь вся надежда опять на старую гвардию. Выдюжит ли она? Две новые встречи с чехословацкой сборной на ее льду дали противоречивый ответ на этот вопрос, и теперь нам остается лишь одно: не терять ни минуты, готовиться к чемпионату мира, а он, как известно, начинается в марте.

РАССКАЗ ЧЕКИСТА МАРТЫНОВА

13 июля 1942 года добровольно сдался в плен командующий Второй ударной армией Волховского фронта генерал-лейтенант Власов.

Матерый волк, скрывавший свое истинное лицо до подходящего момента, он не забыл попросить немцев расстрелять всех, кто вышел с ним из окружения.

Пропагандистская шумиха вокруг предателя в генеральском мундире, сбежавшего к врагам якобы вместе с целой армией, тщательное заметение кровавых следов деятельности Власова и его группы требовали принятия немедленных мер.

Прежде всего советским командованием была оказана помощь окруженной врагом Второй ударной армии с целью вывести ее из кольца. Это удалось осуществить в значительной степени, несмотря на попытки врага закрыть «коридор».

Одновременно в штаб армии, собираемой Власовым из концентрационных лагерей, был направлен опытный чекист для получения подлинной информации о деятельности предателей.

«Тем, у кого руки не в крови, кто совесть до дыр не износил и хочет искупить вину,— помоги уйти к нам. Тем, кому нет и не может быть пощады, закрой дорогу на Запад» — такую инструкцию получил посланный в тыл врага с заданием проникнуть в окружение Власова советский разведчик Андрей Мартынов.

Аркадий Васильев поставил перед собой цель — выявить подлинные причины появления власовых, трухиных, жиленковых и им подобных.

Писатель убедительно показывает, что роднят всех подручных Власова дворянские и купеческие идеалы, потерянные фабрики и десятины земли, а разобщает желание побольше урвать от любой добычи, которая встречается на их зверином пути.

Некоторые из лиц, окружавших Власова в Германии, участвовали в контрреволюционных мятежах и заговорах в годы гражданской войны. Это обстоятельство побудило автора расширить рамки повествования: первая книга романа посвящена биографии Андрея Мартынова, его столкновениям с врагами революции в 1918 году на работе в ВЧК под руководством Ф. Э. Дзержинского.

Несмотря на почти приключенческую фабулу, писатель не уходит от документальности, от подлинных исторических фактов и человеческих судеб.

Собственно авторский рассказ перемежается в романе страницами «из воспоминаний Андрея Михайловича Мартынова». Эти страницы придают особое ощущение достоверности описываемым событиям, помогают более объемно показать характеры героев романа, углубляют и дополняют образ главного героя. Воспоминания Андрея Мартынова подкупают тем, что в них веришь, чувствуешь его правоту в оценке событий.

В целом роман А. Васильева — ценный вклад в летопись Великой Отечественной войны.

Михаил **ХОДАКОВ**

Арк. Васильев. В час дня, Ваше превосходительство... Роман. Издательство «Советская Россия». 1970.

СВЕТЛЫЕ ГОРОДА

В. НИКОЛАЕВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Среднеевропейская зима не самое приятное время года. Пасмурные, промозглые дни. Солнце как лотерейное счастье. Нехотя приходит позднее утро. Светлеет тогда, когда все уже давно работают.

Еще раз вздохнув у серого окна, выходишь на улицу. И тут не сразу, медленно, но верно происходит чудо. Окунувшись в тусклый день, постепенно, шаг за шагом обретаешь чувство бодрости, уверенности, сопричастности происходящему рядом с тобой. Полнокровный, размеренный и четкий пульс жизни услышишь всюду, его ритм захватит и тебя. И чем дольше ты будешь ходить по улицам и площадям, пусть даже и в такое неудачное время года, тем светлее будут казаться тебе города и люди Германской Демократической Республики.

Друзья.

Берлинские силуэты.

Знакомство.

Урзула Харпки, девушка из древнего Вернигероде.

Берлин. Карл-Маркс-аллее.

РУССКИЙ

Ольга САХАРОВА

Рядом со мной сидит милая, спокойная женщина. Она передает одну за другой большие фотографии: «Это Досифей в «Хованщине», Андрей Соколов в «Судьбе человека», Борис Годунов...» Я смотрю на фотографии, слушаю неторопливый рассказ Надежды Петровны, и вдруг опять, в который раз за этот вечер, ловлю себя на том, что забываю о собеседнице... Могучей, заполоняющей душу волной льется из-за стены голос хозяина этого дома — народного артиста СССР Бориса Тимофеевича Штоколова. Кажется, столько раз уже слышала его — и на сцене, и по радио, по телевидению, пластинки дома заиграны вконец; и сейчас — не в гости пришла, по делу, а оторваться, не слушать нет сил...

Надежда Петровна замечает мой отсутствующий взгляд и понимающе улыбается: «Вот и я так. Каждый день... Вожусь с ребятами, хлопочу, а начнет он заниматься — и все дела насмарку... Слушаю...»

А за стеной оборвались дьявольские раскаты арии Мефистофеля и полились волшебные есенинские строки: «Ты жива еще, моя старушка...» Полный невыразимой нежности голос Штоколова глубок и проникновенен, и вы слышите, как этот голос сливается воедино с самой чистой мелодией стиха, мелодией души прекрасного русского поэта... Вы воспринимаете голос певца будто не слухом, постигаете не рассудком, а чувствуете сердцем... Недаром во время гастролей Бориса Тимофеевича в Испании один из ведущих музыкальных критиков начал свою статью о нем словами: «Этот голос проникает в нас...» Вообще все зарубежные концерты, спектакли Бориса Штоколова всегда сопровождаются самым восторженным аккомпанементом прессы: рецензенты восхищаются широтой диапазона, своеобразием тембра, чистотой интонирования, тонкостью филировки... Знатоков вокала приводит в восторг мастерство, с которым советский певец исполняет произведения, считающиеся эталонами профессиональной сложности: стансы Нилаканты из оперы А. Делиба «Лакме», арию Родольфо из «Сомнамбулы» В. Беллини, каватину и рондо де Сильвы из оперы Дж. Верди «Эрнани»... Сложнейшая их тесситура, темп под силу лишь певцам высочайшего профессионального уровня. Это и есть уровень Бориса Штоколова.

И все-таки своей сегодняшней огромной популярностью обязан певец не этим сочинениям. Не они сделали его **народным** артистом. Славу, признание принесли Штоколову произведения, созданные его соотечественниками — великими русскими композиторами: М. И. Глинкой, М. П. Мусоргским, П. И. Чайковским, безымянными простыми песенниками, сложившими те напевы, что взял народ в свою музыкальную сокровищницу.

Да и как могло быть иначе?.. Вся глубина и мощь, чистота и размах русской души народной воплотились в ее музыке. И только тот человек, чей талант питают соки родившей его земли и для кого она — самое святое в жизни, только тот может стать истинным творцом, художником.

Наверное, в биографии Бориса Штоколова можно найти страницы, из которых при желании нетрудно сделать сенсацию. Мальчишка из самой что ни на есть простой семьи, где не было даже намека на какое-нибудь фамильное пристрастие к искусству, курсант школы юнг, а потом школы ВВС и вдруг — знаменитый оперный бас, певец с мировым именем. Но все дело в том, что как раз сенсации-то во всем этом и не было! С таким же правом можно было бы назвать сенсацией весь уклад нашей жизни. Да, рос мальчишка в уральском городе Свердловске. Были у него отец и мать, трое братьев и сестра. Потом началась война, и семья Штоколовых проводила отца: он уехал на фронт с эшелоном, с такими же простыми людьми в серых шинелях. Пятеро ребят с матерью остались на платформе рядом с такими же простыми, заплаканными женщинами и детьми... Отец погиб... Было трудно... Как было трудно всем... В четырнадцать лет настала пора думать о самостоятельной дороге: матери, младшим требовалась помощь.

И тут впервые дала себя знать неуемная натура Бориса. Он укатил в школу юнг на Север. Простор, романтика... Но главное — снял с матери заботу хотя бы о себе... Через два года, когда остались считанные дни до торжественного посвящения в моряки, парень вдруг отбыл в Свердловск... С одной стихией он уже познакомился, теперь его манит другая — небо: шестнадцатилетний Борис Штоколов становится курсантом школы ВВС.

— Где вы познакомились с ним?

Им было тогда всего лишь по семнадцать... У них было много забот — Надя тоже училась и воспитывала своих младших братьев и сестер, оставшихся без родителей. Борис учился и был первым помощником матери, старшим мужчиной в доме... Обычные судьбы обычных людей в то суровое время. Они жили, росли вместе со всей страной, их горести были лишь частью общей народной беды в страшные военные годы; они строили свою жизнь вместе со всеми, побеждая послевоенную разруху, чувствуя тепло человеческих сердец и согревая мир своей молодостью и любовью... Они догадывались, что и главное их богатство — голос Бориса — когда-то станет нужным всем, и с юным нетерпением ждали этого часа.

Первым начал отсчет заветного, сбывшегося времени Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков, командовавший в то время Уральским военным округом. После концерта на выпускном вечере в школе ВВС он подозвал к себе высокого черноглазого курсанта и сказал ему: «Летчиков таких, как вы, Штоколов, много... А вам петь надо». И вместе с направлением на дальнейшую службу Борис получил предписание: где бы он ни служил, командование округом просит оказывать ему всяческое содействие в занятиях пением.

Прошел всего год с тех пор, как отправился Борис учиться дальше летному делу, и уже возвращается он обратно: из ансамбля имени Александрова комиссия направила его на учебу в Свердловскую консерваторию.

И опять новая стихия — искусство. На этот раз — та, что заполонила жизнь Бориса Штоколова навсегда и без остатка.

Петь, петь, петь... Громко, в полный голос — в классе консерватории, вполголоса — в комнате общежития и совсем тихо, почти про себя,— в театре, но пока не на сцене, а на своем рабочем месте электромонтера, с паяльником и кусачками в руках.

Но наступает время, когда и в театр, на сцену, он выходит уже не как рабочий, а как певец.

Он поет в театре!

Пускай сначала это лишь маленькие, в несколько фраз, партии. За ними придут настоящие, большие. Оба — и Борис и его молодая, все понимающая жена Надя — всегда верили в это. Борис работал еще и еще над тем, что, казалось, звучит уже безупречно, учил новые партии, распевался на бесконечных упражнениях... И каждая новая партия, каждая новая взятая им высота приносили с собой новые часы работы дома, в репетиционных залах театра — вначале Свердловского, а последние одиннадцать лет Ленинградского академического имени Кирова.

Так где же сенсация? Ее не было. Были и есть талант, труд и общая с народом жизнь.

Может быть, именно эта общность, обычность судьбы Бориса Штоколова и делает такими жизненными, близкими каждому из нас образы современников, созданные певцом.

...Шолоховскую «Судьбу человека» читали все. И на каждое представление оперы И. Дзержинского, носящей то же название, зритель приходит, зная о том, что случится с главным героем — Андреем Соколовым. Почему же вот уже который год этот спектакль с участием Бориса Штоколова идет с неизменным аншлагом?..

Когда опера только еще готовилась к постановке, находилось немало скептиков, не веривших в новый спектакль, искренне ужасавшихся: «Да что еще можно прибавить к Шолохову? Как можно сделать Андрея Соколова оперным героем?»

И вдруг оказалось—да, можно! Поразительно, но именно в спектакле-опере, которая и вообще-то является, пожалуй, самым условным из всех видов театрального искусства, вы, слушая и видя Штоколова, начисто забываете обо всех условностях. Борис Штоколов в «Судьбе человека» — это не актер, играющий главного героя, не певец, исполняющий главную партию, а, кажется, сам Андрей Соколов — русский человек. И то, что он поет, а не говорит,— это так понятно: ведь сейчас он не просто рассказывает вам историю своей жизни, он распахивает перед вами душу, а в чем, как не в песне, может она раскрыться лучше всего!.. И теперь, слушая певца, вы понимаете, сколько еще неизведанного заключено для вас в шолоховской повести, какой новый живой пласт открыл в этой книге Борис Штоколов. Все богатство своего голоса, все его почти безграничные возможности использует певец, создавая внешне такой будто бы несложный образ. Простой русский человек, скромный, цельный, сильный. Все, что он делает, диктует ему сердце, диктует жизненный, практический разум. Он спокоен, нет ни малейшего намека на надрыв; он добр и никогда не сентиментален; он красив, как красиво все, что связано с народом, его трудом, ратным подвигом... Даже в фашистском концлагере он нежен, целомудрен, когда вспоминает любимую жену. И здесь же, в плену, он без страха и сомнений, своими руками убивает предателя. «Первый раз убил, да и то своего.— Голос Штоколова как будто приту-

БАС

Фото Г. ШАБЛОВСКОГО.

шен...— Да какой же он свой,— предатель»,— продолжает Андрей. Он не то что хочет убедить кого-то, он с рождения знает: убить предателя так же справедливо, как спасти друга... Весь строй шолоховской повести, музыка И. Дзержинского, смысл и рисунок образа, созданного певцом, делают Соколова равным среди равных в общей массе пленных бойцов: для каждого из этих советских людей важны в жизни те же принципы, что и для Соколова. И уже в этой сцене вы как будто слышите слова, которые произнесет Андрей, вернувшись к своим: «Нет такой силы, чтоб сокрушила нас!..» Борис Штоколов убеждает в том, что эта вера — главная сила, которую всегда давала Россия своим сыновьям. Сыграть эту веру — веру в Родину — нельзя. Ее можно только выстрадать, пережить вместе со всеми, кто родился на твоей земле, кому она дорога,— вместе с отцом, погибшим в бою; вместе с матерью, вырастившей твоих братьев; вместе с любимой, сберегавшей для тебя скудный паек; вместе с другом, растящим хлеб для твоих детей... Все это было в жизни Бориса Штоколова... Поэтому и стремится зритель в театр на оперу «Судьба человека», где любимый певец исполняет главную партию.

Для Бориса Тимофеевича Андрей Соколов— одна из самых любимых ролей. Хотя, впрочем, нелюбимых у него, кажется, просто нет. Он одержим своей любовью к пению. Это сказывается во всем: в его ежедневных занятиях, когда ничего не «пропевается» им вполсилы, не в полный голос. И в железном режиме, перед которым отступают друзья и знакомые. И в том, с каким увлечением рассказывает он об истории оперы, о различных вокальных школах, с каким прилежанием учит итальянский язык — не просто тексты арий, а именно язык, чтобы владеть им в совершенстве.

Откуда эта незатухающая, постоянная неугомонность? Ну, понятно было, когда в двадцать лет Борис сказал Наде после того, как на фестиваль вместо него послали другого молодого певца: «Я должен научиться петь так, чтобы меня никем не могли заменить!..» Молодой задор, огромный запас энергии... Но сейчас столько уже достигнуто, столько сделано,— казалось бы, можно и самому хоть немного успокоиться да и другим дать отдохнуть. Но покой и Борис Штоколов — понятия несовместимые. Вчера ему нужен был редкий старый клавир — он едет в одну библиотеку, в другую, поднимает раскатами своего голоса на ноги всех сотрудников, заражает их своей одержимостью,— клавир находят, снимают копию... Сегодня ему нужна специальная насадка от флейты для мефистофельского свиста в арии из оперы Бойто — Штоколов обзванивает все оркестры, всех музыкантов и... не находит. Но, я уверена, раздобудет он и этот уникальный свисток. Завтра — заседание художественного совета в театре; убеждена, что и там Штоколов увлечет кого-то новой идеей... По-моему, самое страшное для Бориса Тимофеевича — это время, потраченное впустую.

Сейчас центр всех помыслов Штоколова — новая редакция оперы М. Мусоргского «Борис Годунов». В который раз уже перечитан Пушкин, изучено все, что можно найти у историков о том далеком времени... Кремлевские соборы, царские палаты Борис Тимофеевич может, наверное, нарисовать с закрытыми гла-

зами. Он хочет снять с «Бориса» тот налет штампа, который с годами стал неизбежным спутником оперы.

— Были гениальные исполнители партии Бориса,— говорит Штоколов.— Но были и посредственные. И куда легче кричать, вращая глазами, знаменитое «Чур! Чур!», чем понять, прочувствовать, передать кульминацию и драмы и оперы. Из Бориса Годунова подчас делают просто ходульного оперного злодея, а ведь это была интереснейшая личность! И в истории России он сыграл немалую роль. Все это есть и у Пушкина и у Мусоргского, но слишком много накопилось на первоисточниках разных «ви́дений». А нам с режиссером Соколовым хочется воссоздать оперу такой, какой она была, в нашем представлении, вначале, и в то же время увидеть ту эпоху сегодняшними глазами, современными. Это трудно... Еще потому трудно, что вдруг сталкиваешься с людьми, которые все это воспринимают совершенно равнодушно. Иногда даже кажется: кому-то нужно непременно кинуть в нашу историю лишний ком грязи, как будто и так ее было недостаточно. Один художник, видите ли, хочет, чтобы Борис весь спектакль пел на Лобном месте, другой предлагает все декорации, костюмы сделать в черно-белой гамме, а Кремль, собор Василия Блаженного вообще убрать. По бокам — два бревна, одно сверху, одно снизу — вот и все оформление... Но тут уж, как говорится, поборемся...

Вот в этой одержимости художника, в непреходящем ощущении внутренней его связи с богатством родной культуры, в чувстве ответственности перед ней надо искать, наверное, корни каждого настоящего таланта. Здесь, по-видимому, и заключена сила воздействия певца на чуткие сердца людей, любящих музыку.

Голос Штоколова не просто очаровывает слушателя своей уникальной красотой: он раскрывает такие национальные черты народного русского характера, как мужество в совокупности с глубочайшей душевной мягкостью... Борис Штоколов поет «Из-за острова на стрежень», «Ноченьку», проникая богатейшим своим голосом в бесконечные тайники народной песни, в самые глубины ее мелодического содержания. Но что бы ни пел Штоколов, вы никогда не услышите ни малейшего отзвука сентиментальности, умиления. А ведь как легко и заманчиво «растрогать» слушателя интимной лирикой тех же старинных романсов, но Штоколову никогда не изменяет настоящий вкус, никогда не снизойдет он до жалостного всхлипа... Герой его романсов мужествен и чуток. Прекрасная лермонтовская элегия «Выхожу один я на дорогу» в исполнении Штоколова звучит как откровение сильной, смятенной души. Он просит, мечтает о покое, он приглушает мощь своего голоса, но бунтарская натура поэта прорывается сквозь эти грезы — он ведь ищет не просто покоя, но «свободы и покоя»!.. И в пушкинском «Я вас любил» звучит тот же мотив — это последнее признание сильного, сурового сердца, признание, вырванное с болью и страданием. Певец не использует внешне эффектных приемов, не прибегает к откровенным звуковым контрастам. Он окрашивает голос страстной болью и безысходностью, смиряет душевные порывы; в его непередаваемо тонких pianissimo заключено сокровенное.

Слушая Штоколова, вновь и вновь ощущаешь, какой силой воздействия обладает истинный художник. Его искусство очищает ваши чувства от будничной суеты, от налета серости и безразличия. Он поднимает вас до сопричастности красоте чистых и глубоких человеческих страстей: любви и страдания, боли и радости.

Мы часто стесняемся высоких слов, когда речь идет о нашем современнике. В лучшем случае прибегаем к сравнениям с корифеями прошлого. Вот и о Борисе Штоколове иногда приходится слышать: «Новый Шаляпин!..» Но ведь счастье жизни состоит не в повторении, не в воспроизведении уже созданного, пусть даже самого лучшего... Прекрасно то, что земля наша рождала и рождает новые таланты. Мы горды тем, что Россия дала миру Федора Шаляпина, и мы счастливы, что сегодня мир знает великолепный русский бас Бориса Штоколова.

ШУБНИКОВ И ЕГО ТАНКИСТЫ

«...В одной из комнат генштаба дежурный офицер склонился над рабочей картой и аккуратно стер резинкой синий кружочек, внутри которого было написано: «Корпус Шубникова».

Закончилась стратегическая операция, в результате которой четыре немецкие дивизии — «свеженькие, с колес» — так и не пришли на помощь фельдмаршалу Манштейну. «Наши танки, как зимняя гроза, прорвутся к Паулюсу»,— заявил фюрер и, «по всей видимости, эти слова адресовались истории». История же сохранила донесения Манштейна о том, что «нельзя более рассчитывать на деблокаду 6-й армии», окруженной под Сталинградом.

Владимир Баскаков в повести «Кружок на карте» рассказывает о людях, выполнивших эту операцию, о танкистах и автоматчиках механизированного корпуса, прорвавшего вражескую оборону на Калининском фронте и так основательно «потрепавшего» танковые дивизии противника, что они вынуждены были уйти на переформировку.

Среди героев повести запоминается воевавший еще на Халхин-Голе старый танкист Куценко, запомнится и автоматчик Сергей Кузнецов, молодой парень из рабочей семьи, спокойный и бесстрашный в бою, и старшина Бойцов, в недавнем прошлом — председатель колхоза, и подполковник Козловский, который преподавал до войны политэкономию в Московском университете, и особенно генерал Шубников, кадровый военный, бывший кавалерист, а ныне командир мехкорпуса. Мы видим этих людей в бою и в минуты отдыха, на глухих лесных дорогах и в командирских блиндажах. Автор строит повесть как бы из отдельных фрагментов, резко меняя место действия, внезапно переходя от одной группы людей к другой. Однако фрагменты эти составляют впечатляющую, цельную картину,— так крепко они сцементированы, так прочно их внутреннее единство.

В повести «Эшелоны» читатель вновь встречается с мехкорпусом Шубникова, получившим свежее пополнение. На этот раз героям-танкистам предстоит нанести главный удар в большом наступлении в Белоруссии, а пока их главная задача — ввести в заблуждение противника, тщательно замаскировав танки. Один из наиболее значительных эпизодов повести — подвиг старшего лейтенанта Мальцева. Волею несчастного случая оказавшись в плену, он проявляет не только стойкость и мужество, но и незаурядную находчивость. Его ответы на допросе окончательно убеждают сотрудников абвера в том, что активных боевых действий на этом участке фронта не будет.

Являющаяся логическим продолжением «Кружка на карте» повесть «Эшелоны» построена по такому же принципу, но менее «населена». Внимание автора сконцентрировано в основном на двух подробно рассмотренных характерах — Мальцева и военного корреспондента Покровского. Новыми штрихами обогащены образы, знакомые читателю по предыдущей повести, в частности образ санитарки Вали Гаврилиной.

До недавнего времени Владимир Баскаков был широко известен как критик, автор интересных, острых статей, автор сборника «Спор продолжается», изданного два года назад и посвященного вопросам киноискусства. Обратившись к прозе, он разрабатывает в ней определенную тему, стремясь художественными средствами изобразить сложный и четкий механизм войны, показать, как воплощается в жизнь стратегическая мысль командования. Писатель решает эту тему на ярких эпизодах фронтовой жизни, написанных с убедительной достоверностью, на конкретных человеческих судьбах, на живых характерах, раскрывая беззаветный героизм советских воинов, одержавших великую победу над фашизмом.

Н. ЦВЕТКОВА

Владимир Баскаков. Кружок на карте. Эшелоны. Повести. Журнал «Знамя» №№ 1 и 11 за 1970 год.

ЩЕДРОСТЬ ПОЭТА

С радостью слежу я за работой моих товарищей и постарше меня и помоложе, верю в них, как в себя, пока чувствую еще в себе силы, жизнь. Вот только что прочел с удовольствием и пользой для себя новую книгу стихов Владимира Туркина.

Пишет поэт от книги к книге все лучше и лучше. Он не стремится, чтобы в новых сборниках было все до строки новое. Но бережно, тщательно отбирает все лучшее, отстоявшееся, из вновь написанного тоже отбирает наиболее удачное. Последняя книга мне представляется особенно в этом смысле удачной. Лицо поэта в ней видится особенно отчетливо, не мельком, а как бы раскрывается из глубины.

Что же в нем своего, своеобычного, что не спутаешь ни с кем другим? Что-то пристальное, доброжелательное, словно бы из глубины светящееся ложится на душу, когда вчитываешься в стихи поэта. Вот, например, удивительное стихотворение «В самолете».

Зачастую у нас пишут, да простят меня некоторые авторы, чем интимнее, тем развязнее. И ничего, кроме неприятного оттенка пошловатости, не чувствуешь. А в этом стихотворении — робость обожания, умение человека подняться над своими ощущениями. В другом стихотворении это осмысливается как душевный принцип, что ли:

Нет, не пристало хвалиться
Тем, чем нельзя поделиться,
Тем, что во мне — до скончания дней:
Любовью к девушке,
Любовью к матери,
Любовью к Родине своей.

Несколько декларативно, но точно сформулировано.

Душевная щедрость поэта, порою такая застенчивая и тем особенно обаятельная, его прямота и — как защита ее — иногда резкость потому и убедительна, что под нею чувствуешь пережитое, передуманное с горечью и радостью, пристрастно и с желанием понять, осознать. Герои Владимира Туркина думают и понимают сердцем, не рассудочно, а потому так доверительно откровенно. Две маленькие поэмы, над которыми он поработал для нового издания, хорошо подтверждают сказанное. В «Ишимском монологе», так названа одна из них, молодой новый директор совхоза, приехавший из большого города, после уже стольких сменившихся на этом посту, встречен вначале неприязненно. Но он не ударился в амбицию. Опыт сердца помог ему понять людей через себя:

Судьба тебя лихо хлестала,
А, думаешь, их берегла?..

В другой небольшой поэме, названной «Человек», Туркин горько думает о том, как поздно мы иногда узнаем, какой прекрасный товарищ жил рядом с нами, казалось, такой же обычный, как и мы. И только прочитав или услышав о его бессмертном подвиге, мы понимаем, с укором совести, как невозвратно поздно мы благодарны ему, как хотелось бы нам склониться перед ним живым в том же благоговении, в каком мы склоняемся перед памятником ему. Так говорит он о Тане (о Зое Космодемьянской), которая училась по соседству с ним.

Светлых, чистых поэтических нантий много в этой доброй, хорошей книге Владимира Туркина. Тешу себя надеждой, что и других читателей она порадует, как уже порадовала меня. Порадовала и многое сказала сердцу.

Дм. КОВАЛЕВ

Владимир Туркин. Тайны снега. Стихи. Издательство «Советский писатель», 1970.

Э. Илтнер (Рига). НАКАНУНЕ.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Н. Сысоев (Москва). В. И. ЛЕНИН и Н. К. КРУПСКАЯ НА ОТКРЫТИИ ПЕРВОЙ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ В КАШИНО.

Художественная выставка «Советская Россия» 1970 года.

М. Абдурахманов, Г. Яралова (Душанбе). ПЕРВЫЙ ТРАКТОР.

Всесоюзная художественная выставка,
посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

СТАРЫЙ ДРУГ

Дмитрий ХОЛЕНДРО Рассказ Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

Не так это оказалось: вспомнил, погрустил, ну, почтительно положил цветок на низкий холмик в рыжей траве и снял с себя гнет. Чувство давней вины проснулось в сердце Мирошникова. Пряталось за делами, за временем, забывалось... А теперь...

Он стоял перед могилой старого друга и думал, как любил, как по-мужски ценил этого человека, с которым свела его судьба сразу после войны. Может быть, зря приехал сюда, вскарабкался, задыхаясь, в гору с одиноким холмиком на вершине, растравил предательски ослабшее сердце?.. Ехал отдыхать, а не вытерпел. Томительно набрякло все в груди, едва ступил на знакомую землю, и на третий день попросил у директора санатория машину...

«Волга» резво катила, повизгивая резиной колес на петлях асфальта.

Дорога все так же крепко, тугой веревкой, связывала горы, чтобы они не рассыпались, не попадали ненароком в море, в зеленовато-седую воду, на которой то и дело, будто взрываясь, вспыхивало солнце. Лет двадцать пять назад Мирошников столько раз топал по этой дороге пешком, что не сосчитаешь. Потом уже вовсе без счета мотался по ней из села в село в райисполкомовском «газике», всюду его знали, всюду были друзья, хоть иных сейчас не назовешь по имени — время! — но Ивана Васильевича не позабыть. Раз он даже поторопил шофера, будто спешил к живому...

А Иван Васильевич покоился на высокой горе, у столба со звездой. Могила слежалась. «И. В. Сосин» — было написано на жестяной пластинке. Спасибо, освежили надпись, помнили...

Сосин ходил скребущим шагом, подтягивая ноги. Вот уж верно про него было сказать: едва тянул. И все не останавливался, будто боялся, что остановится и рухнет на траву, или в пыль дороги, или на доски некрашеного пола.

Иногда он присаживался где-нибудь в глубине запущенного сада у ручья и молча сидел. Клонился, чтобы заглушить боль, и покусывал губы с прокуренными усами. От воды несло прохладой... Становилось легче, он стягивал с головы соломенный брыль, доставал оттуда серый листик аккуратно сложенной бумаги (в кармане мялась), отрывал клочок, из-за пазухи вытягивал спрятанный от жены кисет и сворачивал запрещенную «козью ножку». Докуривал уже на ходу.

У ручья Мирошников увидал его впервые.

— Здравствуйте. Кто такой?

— А вы?

— Уполномоченный я. Из райисполкома.

— О-эх! — протянул Иван Васильевич сочувственно, а может быть, простонал. Мирошников еще не знал про его муку и только покосился на него и вытянул ноги к воде, а сосед содрал с лысой головы свой брыль. — Закурите? Скиньте сапоги-то... Намаялись.

— Попал бы кто в мою шкуру, — не пожаловался, а скорее оправдался Мирошников, цепляя носком сапога пятку другого и стаскивая их до половины.

Иван Васильевич долго не отвечал, лаская грубыми пальцами и зализывая солидную «козью ножку», потом сказал, положив кисет на траву между собой и уполномоченным:

— Бывало похуже.

— На войне, — согласился Мирошников. — Но то война ведь!

Иван Васильевич прикрыл глаза, посидел.

— И раньше бывало. Вам сколько лет? А-ха-ха, мне тогда было даже поменьше... Значит, давнее это дело...

— Какое?

— Голод. Бесхлебье.

Немало рассказывал ему Иван Васильевич разных разностей, все чаще в минуты неожиданных приступов, согнувшись набок, видно, отвлекался от боли рассказами, не давал ей овладеть собой. Но ту первую историю Мирошников запомнил, будто узнал вчера. И сейчас слышал его голос с хрипотцой:

— Вызывают нас, донских пареньков, в комсомольский комитет, говорят, так и так, поедете в Азербайджан, там урожай. Всего выбрали семерых. Поехали мы. За хлебом. Ехали, ехали и доехали. А до хлеба еще далеко, не так-то с ним просто... Тамошние хлеборобы все, что могли, давно отдали. Надеяться можно было только на добрую волю. А как расскажешь, что дети голодают, что всего у них и осталось — слезы? Люди незнакомые, речь непонятная... Дали нам переводчиков. Агитируйте! И мы — в аулы, в их селения, значит. К крестьянам. В разные стороны...

Доходят вести: оттуда с хлебом и оттуда с хлебом возвратились ребята, поспешили домой. Люди хоть и незнакомые, а свои. Да и как не помочь детям?

Но мне вот не повезло. Какая сходка на краю села, а картина одна и та же! Сойдутся, улягутся на травушке, слушают. Я стою, внушаю:

— Так и так, братцы, дети помирают. Да здравствует взаимовыручка рабочих и крестьян!

Кончу говорить — встают и расходятся. Все. И ни слова.

Хоть плачь. Было и плакал, честно сказать... Не при них, конечно, а где-нибудь одиноко. Как малолетка... Да почему как? Парнишка...

Замечаю раз, пока я выступаю, двое глазом по сторонам косят, следят за остальными и распоряжаются туда-сюда: гр, гр, гр... Спрашиваю после переводчика: о чем они? А переводчик мне попался, можно сказать, с испугом, робкий. Отвечает быстро, бегом: я за вашей речью слежу, вы кричите да еще кулаком машете, боюсь близко стоять. А кто там шепотом какие слова раскидывает — не знаю.

Вот... Меня кормят, я живой, а хлеба все нет. Возвращаться домой стыдно. Другие с хлебом, а я с пустыми руками? А я, честно сказать, такой: если надо чего, умру, а добьюсь... Но как добиться?

И остался я на зиму. Климат не злой, а сердитый. Не на людей, понятно, а на тех двоих и на себя. Зимую... Что делал? Книжку одну долбил. Почернел от солнца, там оно и зимою щедрое, зарос. Сейчас у меня не голова — арбуз, можно сказать, а тогда шевелюра на ней бурьяном стояла, стричься некогда. Сижу за книгой, верите, с утра до вечера и с вечера до утра. Зиму, и весну, и лето, пока опять не созрел хлеб.

А тогда поехал из города Баку в тот же самый аул... Ничего не изменилось, опять лежат, на меня не смотрят, травиночки грызут, а я сыплю:

— Вот вы сейчас встанете и уйдете, но те, кто в прошлый год слег в землю от голода, те не встанут.

И сыплю все это по-азербайджански. Заподнимали головы...

— Знаю, — говорю, — что вы народ добрый, из других аулов еще в том году послали хлеб детям республики, за которую лилась кровь, а не вода! Но вам эти вот шептуны мешают, путают вас. Ты и ты! Встаньте, скажите вслух, чего хотите? Встаньте!

Эти, от которых полз шепоток, зажались, один убрался даже, но вскочил из толпы дядька — длинный, костлявый, лохматый, спрашивает:

— Кто тебя научил нашему языку?

— Проймет, — говорю, — голод, появится, — говорю, — голос. Дайте хлеба детям!.. Ушаглара, то есть. По-ихнему... Это дети.

Постоял лохматый, надвинул шапку и пошел молча. За ним другие задвигались. Разговаривают, а уж я не слышу... Я гадаю: что будет? Командовать при мне земляками тем двоим теперь не с руки... Убьют они меня, кулацкие злыдни, или опять я уеду не солоно хлебавши, можно сказать? Лучше бы уж убили.

Но утром повезли хлеб. Лохматый первый пришел и сказал:

— Держи, брат.

Мирошников крутнул головой:

— Интересно.

— Рассказывать легче... — ответил Иван

Васильевич и согнулся, бормоча проклятия.

— Что это вас так жмет?

— Язва.

— Откуда она у вас?

— Оттуда... откуда у вас тяжелые сапоги, уполномоченный.

Кряхтя и кривясь, Иван Васильевич поднялся, а Мирошников, спешно влезая в сапоги, вскочил и двинулся за ним вдогонку, словно это был тот самый человек, которого он искал.

— Меня Мирошников зовут, Иван. А вас?

— Тезки.

— А фамилия?

Когда Иван Васильевич назвался, Мирошников выхватил карандаш, пометил в записной книжке.

— Память плохая?— скупо улыбнулся новый знакомый.

— В голове кавардак,— сознался Мирошников.— Там одно, тут другое... Не помню, когда спал. Боюсь, и вашу фамилию забуду... А не хочется.

По всему району, всему берегу гнила тогда груша-падалица, и в воздухе стояла от нее винная одурь. Виноградники распускали по склонам длинные усы бесплодных лоз. О табачных посадках и не помышляли. Не знали, с чего начать.

Начинать нужно было, само собой, с людей, да как узнать их? Люди вокруг селились новые, приезжали в неустроенный, разоренный военным лихолетьем край; вербовщики обещали им быстрые радости, звали в райские кущи, но райские-то кущи требуют пота побольше, чем голое место, и того не было, сего не было, да и навыка не было... Люди заскучали по хлеборобству, начали оглядываться на покинутое, побежали домой.

Иван Васильевич как-то сказал Мирошникову, что приехал под это солнце из-за «старухи». Они на войне сына потеряли, не вернулся с немецкой реки Одер, и невмочь стало жить им в своем доме.

— Ну,— сказал он жене,— поедем в горы, к морю, там веселый край!

Приехали в этот самый колхоз, когда тут с победной весны правил делами третий по счету председатель. Первый все гулял победу, не мог опомниться, второй попался — ни рыба ни мясо, хлопал глазами на разруху и вздыхал, третий черпал из колхозного погреба, где темнели бочки со старым вином, чаще первого, но не от радости, а с отчаяния.

В районе поняли, что опять промазали с председателем, но Мирошникову велели не торопиться, приглядеться, расспросить как следует, потолковать с людьми.

Ивана Васильевича — толкуй не толкуй — не знали. Совсем новичок. Земляков его рядом не было. У кого расспрашивать? С неделю Мирошников взвешивал все «за» и «против». Коммунист. Воевал. Орден. Это, конечно, «за». Крепко болен. Вот беда! Каждый день подламывают приступы, сидит и то криво; сегодня здесь, а завтра увезут в больницу. Это в глазах начальства все «за» могло перечеркнуть одним махом, но подвернулся дедок, ловко сообразил:

— С язвой человек нам как раз подходит. Насчет этого как раз...

— Насчет чего?

— Насчет выпивки,— сказал дедок.— И захочет, да не сможет! Язва не даст. Выдвигай!

Едва выбрали Ивана Васильевича председателем, как он запил. В тот же вечер, с ходу! Да как! Днями храпел, а к ночи вскидывался пить дальше. Уже успели его прозвать Ванькой-встанькой, что, впрочем, осталось на будущее. Из-за язвы. Его, дескать, не свалишь, встанет...

Уже полетели первые жалобы в район — подсказали, мол, кого выбрать, спасибочки, не успели разойтись с собрания, а его уже увели, кому надо, за стол. Спрыскивали избрание, наливали за исцеление от язвы треклятой, за дружбу, за погибель врагов. Пятый день качается! Мирошников понимал, что погибель ему грозила первому. В районе на него не смотрели, давили глазами. Опять? Натворил?

— Ума не приложу,— каялся он.

— Поезжай, разберись.

Ездили в ту пору на своих двоих, если не подхватывал по пути грузовик, чаще военный. Мирошников умостился в машине с обезвреженными морскими минами и думал, что, если один рогатый шар взорвется, все проблемы сразу будут решены и кончены, а то ведь голову снимут за этого Сосина.

Еще часа три после машины брел пешком, пока не попал в бывший табачный сарай. До войны в нем сушили лист на шнурах, подвязанных к длинным шестам. А теперь сюда снесли все, на чем можно было сидеть. Подоспел он к собранию, созванному новым председателем. Вошел незаметно, увидел из-за спин заинтересованно тихих мужиков, толпившихся за рядами ящиков и скамеек, Ивана Васильевича. Он стоял, обхватив бок левой рукой, как раненый. Язва его, видно, горела, глаза ввалились. Поднял руку, подшагнул к людям и, негромко покашляв, сказал:

— Простите.

Чуть живой стоял, но по голосу — трезвый.

— С вашей командой я и за год не разобрался бы. А теперь знаю, кого с какого злачного места гнать. Всех жуликов видел своими глазами. С каждым чокался даже. Правда, я не умер чуть-чуть. Но чуть-чуть не считается...

Много лет, много дней и ночей провели они вместе, смеялись, спорили и за столом сидели, и вино на столе стояло, но чокнуться ни разу не пришлось. Тот дедок оказался прав. Язва стерегла...

Вспомнился Мирошникову дом Сосиных, будто в комнату вошел, задышал его чистотой,— крахмальные кружки на тумбочке у кровати, на полке перед зеркалом, цветы в горшках на подоконниках, все больше из привезенной рассады — белая и розовая герань, фуксия с сережками, а горшки обернуты покрашенной бумагой: жена старалась, «старуха». И между окном и кроватью — этажерка с трофейным приемником и книгами. По словам жены, Иван Васильевич смолоду слыл книжником. Тут собрал целую горку брошюр о виноградниках и табачной культуре, вот такой толстый том купил под названием «Дюбек». Читал и Толстого и Чехова, любил Куприна, Зощенко любил, но особо дорожил жизнеописаниями замечательных людей — про Робеспьера часами беседовать мог, вечерами пересказывал «старухе» прочитанное о разных путешественниках, держал книгу о Рузвельте — любопытная личность, можно сказать, сильная. Мирошников привез на ту этажерку книжку-другую в подарок.

Жизнь шла своим чередом, оставляя следы в памяти и на земле. Сады распускались, одевая горы розовыми, под зарю, облаками, груши и яблоки уже не падали на землю, а ложились в корзины, с виноградниками было тяжелей — ох и капризное, тонкое, можно сказать, дело, обрезай, купорось, храни от разных напастей. Там привязчивая хворь у кустов, разгулявшаяся за годы войны без внимательных глаз и рук, там липучие вредители, но все потихоньку одолевали, учились вовремя рыхлить склоны, вовремя поливать, выращивать и чауш и шаслу, терпеливо копившие в прозрачных своих ягодах свет солнца. Табачный лист зажелтел, зазолотился в старом сарае, залатанном свежим горбылем, а для собраний и молодежи, охочей повеселиться, отгрохали в сосинском колхозе клуб вместо разрушенного. Кино показывали...

Сейчас-то этим смешно хвалиться, а тогда завидовали жители других сел. И в колхозе довольны были переменами и в районе, один Сосин не унимался...

На районном совещании как-то предложил обсадить дороги черешней. В зале засмеялись:

— Прохожие все съедят!

А он переждал хохоток и сказал, прижимаясь боком к трибуне:

— Пусть едят на здоровье!

Дома у себя отменил контроль за тем, кто и сколько во время уборки урожая ест винограда. И вроде бы усовестил этим женщин — тогда все больше женщины с головами, закутанными в белые лоскуты от солнца, одни глаза выглядывают, гнули спины над землей. Перестали совать грозди в платки да за пазуху, растаскивать по дворам ребятишкам. Наоборот, ребятишек приводили на уборку, себе в помощь, и ребятишки ели... Но в результате оказалось, что у Сосина нехватки с каждого гектара — урожай-то на корню подсчитывали!— куда меньше, чем у других. А урожай у него в районе был лучший. Что по первому подсчету, что по второму...

Можно бы и угомониться чуток, а он пристал:

— Давай устрой ты нам, тезка, встречу с учеными, пусть приедут, порасскажут, чего просит наша земля. Есть же знатоки! Позови!

К тому времени они уж давно перешли на «ты».

Была такая встреча в районном Доме культуры. Два дня слушали председатели ученых, он, Мирошников, постарался, оторвал людей от текучки, через горы гонял в областной центр свой «газик». Всяко в эти дни было, интересно и скучно, но с этой затеи, хорошей и нужной без спору, все и началось.

Подружился Иван Васильевич с одним щупленьким, седеньким, но шустрым профессором из сельхозинститута,— Колесниковым или Колёскиным, ну и ну, память! Среди лета замелькали у Сосина в саду и на виноградниках ребята и девушки в панамах, с утра ходили, разглядывали, исписывали тетрадки, а между ними сновал Колёскин или Колесников, одним словом, профессор. Прожили так месяц... Устроил им Иван Васильевич бесплатные каникулы. Колхоз их поил, кормил, разместил по домам, а они составили карту с описанием, где что растет, как за этим даром природы ухаживать, в зависимости от состояния, что откуда выкорчевать без следа, а что куда подсадить, чтобы место не пропадало.

Профессор загорел, облупился, обуглился, зато радовался: студентам практика. Иван Васильевич ходил, не приседая, словно и про язву забыл. Усадил своих собственных грамотеев, вместо плясок да кино за полночь расписывали по гектарам, сколько где каких деревьев или кустов, выявляли у профессора все сорта, потому что за каждым сортом свой присмотр, какая замля, далеко ли вода... Словом, на каждый гектар составили агропаспорт.

Это была целая революция.

Землю заново раскрепили между звеньями — не от площади танцевали, а от дела. И внутри звена — кому гектар, кому меньше, а кому и больше, если там условия и работа полегче, земля мягче, вода ближе. В агропаспорте не вообще, а по дням обозначили, где какую работу делать и когда, а на специальных страницах отмечали, что уже сделано, что осталось. И так люди увлеклись работой, когда она стала и умна и понятна, что вроде бы совсем новое рвение в них проснулось, новое желание. А потом и любовь.

Никого, считай, не приходилось поднимать бригадирам или звеньевым на рассветах, стучать в окна, как раньше, солнце народ встречал уже у своих деревьев и кустов виноградных, а старались — любо-дорого. И не верилось, но даже внешне в садах и на виноградниках все преобразилось, прибралось. Колхоз, можно сказать, расцвел на глазах. За какой-нибудь год. Честное слово. Без преувеличения. Не фразы ради.

Но тут грянуло. Появился первый сигнал: Сосин роздал колхозную землю по рукам. Разбазарил. У него, дескать, не колхозники, а единоличники. Скрытые, конечно, но, вглядитесь, начальники, куда это шитокрыто приведет, вперед или назад? Написал председатель соседнего колхоза.

— Ах, дурак!— сказал себе над этим письмом Мирошников, только что ставший председателем райисполкома не без помощи сосинских успехов.

Привез Ивану Васильевичу это письмо, показал, спросил, пока тот читал, нацепив очки на нос:

— Дурак?
— Нет, не дурак,— возразил Иван Васильевич, сняв очки,— а еще хуже. Лентяй!
— Ну! Тоже ведь день-деньской в заботах!
— Значит, недосуг вразумиться.
И заговорили о другом, теперь уж о чем — не вспомнить. Но через неделю второе письмо, от другого председателя: что же там такое, у Сосина? А потом анонимка из своего колхоза. Может, настрочил кто из недолгих сосинских «собутыльников»? От обиды непрощенной. Так сначала подумалось, хотел махнуть рукой, но потом вползло в душу сомнение: а вдруг правда есть в этой тревоге? Вдруг они с Сосиным заблудились? И не спал до утра...
Только успокоился среди уймы прочих забот, сказал себе: чепуха, возиться не хотят, земли не любят,— как новое. Заезжий корреспондент, не предупредив, не посоветовавшись, бахнул в областной газете статью «А тот ли принцип?». И опять всякие уже знакомые слова: опасный эксперимент, на закрепленные участки приходят работать не только дети «хозяев», но даже бабушки. И очень это выглядело почему-то издевательски. Собственничество просыпается!
Статья — это статья. Это взрыв.
Секретарь райкома, и умный и непоспешный в решениях, был новый, из хлеборобного места, в здешних условиях еще не обвыкся, не успел. Утречком позвал к себе.
— Читал? Что скажешь? Кто прав?
Что скажешь? Сосин правоту свою уже доказал урожаями, с которыми никто не мог сравниться, а журналист наскочил на броский «матерьяльчик» и обрадовался впопыхах, дать бы этому щелкоперу по заду за торопливость, но вслух Мирошников этого не сказал, невнятно протянул, заглушая собственные сомнения:
— Да... Надо реагировать...
А сам принялся рассказывать о Сосине все, что знал.
— Мужик он хороший, верю,— услышал в ответ,— но... Как бы не проморгать за мнимыми успехами и самого этого Сосина и колхоз, не обмануться. Дорого обойдется.— Секретарь приподнял газету, подержал над столом и выразительно цокнул языком.— А мужик с косточкой, думающий. Побереги.
— Я поеду к нему,— сказал Мирошников.— Чем дышат люди, пойму. Давно уж там не был.
Давно не видел он Ивана Васильевича. Где хорошо, туда все реже заглядываешь, отстающие висят гирями на ногах.
Ивана Васильевича он застал дома, в накуренной комнате. Жена не бранила на этот раз: как же не курить, когда такое... В поздний час собрала ужин, угостила варениками с вишней.
— Вчера приехали бы, вчера у нас кефаль была. Ваня ходил ловить с мальчишками.
— Какими мальчишками?
— Нашими. Сельскими. Какими же? Они эти ладят... какие-то... как их...
— Переметы?
— Накидками ловили,—сказал Иван Васильевич, щурясь от дыма.— Занятней. Она стоит у камней, в воде, как в зеркале, посверкивает. Подкрадешься не дыша, замрешь и — хлоп! Мальчишкам такое развлечение... Аж дрожат!
Еще начал что-то говорить про море, про кефаль, словно не было статьи, и Мирошников сначала кивал головой, тянул «Беломор», прибавляя дыму в комнате и понимая, что и на рыбалку старый пошел после статьи и сейчас о рыбе толкует, чтобы о статье не заикаться, а потом рассердился на его длинную несерьезность, перебил:
— Ты статью-то читал?
— Газету выписываю.
— Ну? Что думаешь?
— А ты?
— Я тебя спрашиваю.
Он скрутил новую «козью ножку».
— Вот кого нужно окрестить дураком. Писателя. Глупый он, этот писатель,— проговорил Иван Васильевич насмешливо.— Брякнул в колокола, не заглянув в святцы.
— Ты с ним говорил?

— А он у меня был? Зачем! У соседей информация полная. Я же туда ездил, рассказывал, как и что... Помощь обещал. Ну, они мне раньше помогли...
Мирошников потер лоб.
— Слушай, а может, это мы с тобой не добрались до сути? Не спеши! Критику обдумывать надо.
— До сути?— Иван Васильевич встал, толкнул окошко, и в комнату хлынул скрипучий хор ночных цикад.— До сути...— Он прилег на подоконник.— Хорошо. Давай я тебе растолкую самую суть, как несмышленышу, прости меня, тезка, давай... Дерево живет долго, а иная виноградная лоза — век! И больше... Многолетние растения... Надо знать свои деревья, свои кусты, как детей. Каждое дерево, каждый куст! Они разные... На одной лозе можно три почки оставить, на другой — две. В этом году она у тебя отдыхала, а на следующий жди — воздаст за отдых сторицей. Так я говорю?
Мирошников молчал.
— Ну вот... Без меня ведь соображаешь, а спрашиваешь... Как же их знать и любить, если нынче тут Маня, а завтра Таня? Ты мудрей меня, научи. Или пусть этот писатель научит. Пшеничку хорошо скопом поднимать, машинами. Я степняк, хлебороб. Знаю пшеницу. Но коров и у нас к дояркам приписывали, чтобы те характер их помнили, не путали.
— При чем тут коровы?
Иван Васильевич присел к столу, взялся за кисет, но отложил.
— А при том,— сказал он, вглядываясь в глаза Мирошникова.— Мне Колёскин говорил, Егорыч.— Да, конечно, Колёскин была фамилия профессора, а Сосин называл его, как друга, Егорычем.— Егорыч мне говорил... Раздаивайте лозу! Это, тезка, научный термин, между прочим,— раздаивать. Ученый человек говорил: через тройку лет она вам вместо корзины полтонны отборных ягод вывесит. А как, опять я тебя спрашиваю, ты будешь раздаивать, если не кумекаешь, какая она, что ей делали, с какого бока к ней подойти? Вслепую?

Мирошников вытащил из кармана газету, затряс шуршащим листом, разворачивая, и, наконец, прочитал:

— «Здесь работают на колхозной земле, как на своей».

А Иван Васильевич вдруг расхохотался в голос, неудержимо и хохотал, пока не закашлялся.

— Хорошая цитата. Ее при въезде в колхоз на арке повесить не стыдно. Гордись, да и только!

В самом деле великие слова, но тогда грызло его изнутри честное, можно сказать, сомнение. Спорили, искали, и сказал он Ивану Васильевичу:

— Слушай! Предъявляют серьезное обвинение!— Чуть было не вырвалось — тебе, но это было бы предательством, перед своей затеей Иван Васильевич ничего от него не прятал, во всем советовался.— «Собственники»! Читал ведь? Не отшучивайся!

Но Иван Васильевич опять усмехнулся.

— Ты видал живых собственников? Они за свое добро зубами держались... А наши-то «собственники» стараются для всех.

— Но, видно, есть в нашем опыте что-то такое!

— Есть,— ответил Иван Васильевич.— Одна разумность. Больше ничего.

— Что будешь отвечать на статью?

— За меня сама земля ответит.

— Эх, брат,— вздохнул тогда Мирошников.— Хочешь молчать и ждать?

— Цыплят по осени считают, тезка.

— Так до осени далеко.

— Твоими бы устами мед пить,— еще раз усмехнулся Иван Васильевич, но теперь устало.— А мне кажется, осень — вот она. Дела много, а дней не хватает.

— А что у людей в душе?— спросил Мирошников.

— Сам узнай.— Иван Васильевич опять посмотрел ему в глаза.— Спроси, не бойся, тезка. Боишься?

Не стал говорить с людьми Мирошников, наутро оглядел из «газика» густые сады и виноградник и побыстрей укатил с сосинским вопросом: «Боишься?»

А чего он боялся? Спрашивал себя об этом Мирошников, стоя перед могилой Ивана Васильевича... Если бы сейчас пережить все сначала, конечно, не так было бы... Горько думать взрослому человеку: если бы...

Море с ослепительным равнодушием сияло внизу, а когда неслышно и почти незримо плывущее облако загораживало солнце, казалось совсем седым, будто тоже постарело.

Мирошников оглянулся. Дома обсели ближний склон и берега ручья птичьей стаей. Многие из них спрятала зелень: разрослась. Ставили когда-то новые дома на пустых клочках, сажали возле них прутики, а теперь из прутиков вымахали тополя и орехи-гиганты. Ветерок проникал в деревья, шевелил листву, и она трепетала, поворачиваясь изнанкой, тоже седой...

Вышло солнце, и все облилось его свежей яркостью и помолодело.

Было тихо. Было так хорошо вокруг, что Мирошников удивился этому внезапному ощущению. Смешно признаться, но за все годы, прожитые здесь, за добрую треть жизни, он вот так не поражался здешней красоте. И ходил и ездил, гонимый заботами, как незрячий. За всю жизнь Мирошникова у него не было ни одного беззаботного дня...

Сама красота для него была не отдыхом, не радостью, не забвением, а деловой вещью. Красивая земля — разрыхленная, красивое дерево — с белой известкой на ноге, весь сад стоит, как в подштанниках, а вокруг стволов — ловчие кольца, их вязали из соломенных жгутов от плодожорок.

О ком же он думал-то все эти годы, ничего не видя по-настоящему вокруг себя? Когда топал по этой дороге в тяжелых сапогах, когда... О себе? Не было у него дел только для себя, не было! И если он боялся, так за Сосина.

А Иван Васильевич разочарованно сказал ему, казня несправедливостью:

— За себя ты боишься, тезка.

Это было уже в райисполкоме, куда упрямец приехал вскоре, потому что история замешивалась все круче. Не до личных обид было, и Мирошников сказал Ивану Васильевичу:

— Ладно, эти слова я тебе прощаю, но ошибки твоей тебе, брат, не простят.

Теперь обронил «твоей», нагнувшись над ящиком стола, чтобы достать газету с новой статьей. Там упоминалось о сознательности в труде и о том, что Сосин вот разрушает ее, подменяет необщественными интересами, как будто обществу хорошие сады не нужны, не нужно, чтобы люди с толком растили их и выхаживали. Жирной строкой были напечатаны письма двух председателей: мы предупреждали. О чем?

— Чего ты хочешь?— спросил Мирошников.— Говори прямо.

— Жизнь делать людям.

— От меня чего хочешь?

— Помоги отстоять, что начали. Не для себя прошу.

— Сейчас момент неподходящий.

Шел нелегкий пятьдесят первый год. Спешили поправить хозяйство, видно, правда, было не до экспериментов. Не разобравшись, могли снять такую голову, как у Сосина, и Мирошникову понравилось найденное оправдание, это слово.

— Неподходящий?— переспросил Иван Васильевич.

— Время!— сказал Мирошников.—А человек, он ведь в определенном времени живет, не в вакууме...

— Так...— начал Сосин и запнулся, а на лице его появилось упорное выражение, с которым не могла сладить даже смертельная усталость.— Время — оно, конечно, делает человека, можно сказать. Но и человек, он тоже свое время делает...

— Это философская категория,— закуривая и ломая спички о коробок, ответил ему Мирошников,— а сейчас речь идет о тебе, о твоей судьбе, Васильич.

Но Сосин словно и не слышал, думал о своем и еще только подступал к главному, а потом и это главное сказал:

— Момент... Подходящий момент выбирают подлецы. Честный человек за дело должен бороться всегда, когда надо.

— И подлеца я тебе прощаю,— с усилием заухмылялся Мирошников.— Стерплю. Потерпи и ты. Завтра развернем твое начинание...

— Завтра, послезавтра,— с насмешкой ответил и Сосин, клонясь набок, к подлокотнику кресла.— Сегодня!

— Снимут тебя с колхоза.

— Так я сам уйду, если начатое сломаете... Кем я сделаюсь перед людьми? Перед тобой кем я сделаюсь, скажи и ты прямо? Как быть? Посоветуй, друг.

— Покайся, пока не поздно,— откровенно посоветовал ему Мирошников.— Скажи: ну, проглядели, мол... Люди подсказали...

Иван Васильевич качнул лысой головой, еще ниже прижался к подлокотнику и посмеялся, похрипел, глядя на Мирошникова через стол непонимающими глазами:

— Умно! Ну, я покаюсь... А деревья? Вдруг они не поймут?— Он еще сохранял способность шутить.— Сдохну я, а буду стоять на своем.

— Вот что надо,— сказал Мирошников, словно бы обрадовавшись и подавшись вперед, чтобы быть к Ивану Васильевичу поближе.— Ложись в больницу. Тебе давно пора. А то и правда помрешь.

— Вытяну,— ответил ему весело Иван Васильевич.— Я стожильный!

Тогда Мирошников закричал:

— Брось ты свои шутки! О тебе беспокоюсь, тебя спасти хочу! Ну, дадут и мне выговор, переношу. А уж дать-то дадут, не пожалеют!

— А я вот как раз тебя жалею,— сказал Иван Васильевич, безотчетно и часто застучав по столу крепким на худой руке кулаком, как в дверь стучался.— Без характера ты, тезка, на поверку-то вышло. Мужик умный. Но характер — он, может быть, поважнее ума иной раз! Бесхарактерный — это, можно сказать, беспартийный, голова!

— А иной раз на характер наступать приходится, философ. Где ж он, характер, помещается, по-твоему, если не в голове?

— Вот здесь.— Сосин постучал себя кулаком по груди.— Или где пониже,— прибавил он жестко и серьезно, без вспышки.— В пятках, например. Не подумай на какое другое место, я тебя обидеть не хочу...

Второй раз за эти дни Сосин фактически назвал его трусом и стал подниматься.

— Неужели ты не понимаешь? Стой!

Он ушел.

Сняли Сосина. Перед заседанием Мирошников последний раз предложил ему покаяться, и помнится, как Иван Васильевич прикрыл глаза и податливо качнул головой, будто соглашаясь. Успокоил. А на исполкоме набрал побольше воздуха и заговорил такими словами, что и защищать его уж было не к чему... Обманул, старый! После Мирошников подошел и только спросил с обидой:

— Не послушался... Что теперь будешь делать?

— В больницу лягу.

— Лег бы раньше... Время появилось?

— Да нет... Доктор говорит, силенок у меня маловато, а мне их надо побольше, чем всегда.

— Драться будешь?

— Я упрямый. Ванька-встанька.

Умер Иван Васильевич на операционном столе. Хоронил его весь колхоз. Рассказывали, что люди гроб несли на плечах, меняясь, от районной больницы до той горы, на которой он завещал положить себя, чтобы видеть все сады, и виноградники, и табачные рядки, и свое село. Если доктора доконают. Шутил еще перед тем, как уехать из колхоза, и не шутил... Грузовик с черной каймой на бортах тянул и побрякивал пустой сзади... Рассказывали... Сам Мирошников на похоронах не был.

Вышло так, что и ему трудно было оставаться в районе, и он обрадовался, когда предложили ехать на учебу в столицу, и еще больше обрадовался, когда оставили работать там... А теперь вот пришел к Ивану Васильевичу... Поздно! Даже могилу его нашел не сразу, спросил у одной старухи, она высоко вздернула руку:

— Во-она где!

Вспышки на море давно успокоились и улеглись в одну остро блестящую полосу, улетавшую к горизонту. Полоса становилась все короче, зацветала малиново. Солнце заходило за горы, и горы тяжелели, теряли призрачность. Где-то в селе с громовой ноты началась музыка, вырвалась из рупора на уличном столбе. Под нее стеклянным звоном зазвенел рельс, приглашая работников домой, к вечерним столам. Он разбудил птиц, передремавших жаркий день, и птицы наперебой засвистали, затенькали... Даже здесь стало слышно...

Долго же он простоял... Шофер, наверно, клянет его. Пора спускаться... Может, жива «старуха»? Разыскать ее? Как она его примет? Не надо. Зайти в правление? Зачем? Там другие люди, и не помнят Ивана Васильевича так, как он. Что ему скажут? Кто он им? Никто. Пенсионер столичный... Не знают его совсем. Приехал, и хорошо...

Так думал Мирошников, спускаясь, и пока спустился, успокоился немного. Другие забыли, а он вот приехал. Часто ли тут бывают люди? А он вот побывал...

«Волга» стояла под раскидистым орехом, где днем была тень, а сейчас и прохлада, возле самой арки, на которую Мирошников раньше и не обратил внимания, погруженный в себя. Дойдя до машины, он поднял глаза и увидел: «Колхоз имени Сосина». Крупно было написано, во всю арку. Вон как! Обрадовался Мирошников, будто живого встретил. Но вместе с радостью опять почувствовал неодолимый укор, и зубы сдавились...

— Едем?— нетерпеливо спросил шофер, открыв дверцу.

Мирошников сел, порылся в кармане в поисках валидола, но зубы не сразу смог разжать, чтобы втиснуть таблетку.

Кладовая информации.

НЕБОСКРЕБ НЕ ПОНАДОБИТСЯ

Лев КОЛОДНЫЙ
Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Ярким прямоугольником сверкает в ночи это высокое здание, воздвигнутое в самом центре Москвы, на трассе будущего Новокировского проспекта. Работа здесь идет круглые сутки, даже когда большинство сотрудников расходится по домам. Продолжает действовать умная техника, не знающая ни перерыва на обед, ни ночного покоя. В облицованных мрамором, залитых светом залах установлены электронные быстродействующие машины Главного вычислительного центра Госплана СССР, справившего на десятом году своего существования новоселье в этом двенадцатиэтажном доме.

Тут все расписано по минутам. Точно, в соответствии с графиком, в машины поступает новая информация и начинается счет, не прерывающийся в течение 23 часов: с 9 утра и до 8 часов следующего дня. Час на профилактический осмотр, а затем вновь беспрерывный счет со скоростью сотен тысяч операций в секунду.

Электронные машины — одни из самых дорогих машин на земле: по стоимости они мо-

Исходные данные на перфокарте.

Сегодня с работой ГВЦ знакомит кубинских специалистов заместитель начальника центра Георгий Николаевич Шевяков.

Математики переводят задания экономистов на язык машины.

Клавесин двадцатого века.

гут соперничать с самолетами, которые тоже, как известно, по ночам не простаивают, если только им не препятствует погода. Электронным же машинам погода не указ, они стартуют в любое ненастье на космических скоростях и просчитывают народнохозяйственный план на много лет вперед: в вычислительном центре люди заглядывают вперед и на пять лет и на четверть века...

Машинные залы занимают три этажа. Если на архитектуру здания оказала свое влияние геометрия, то жизнь всему этому сооружению дала кибернетика. Здесь нашли свое воплощение самые последние достижения электронно-вычислительной техники.

Путешествуя по залам, видишь, что наступило время качественно новых машин, пришедших на помощь мозгу, так же, как когда-то впервые механизмы пришли на помощь рукам. Это машины умственного труда. Если бы мы вдруг захотели обойтись без них, то пришлось бы рядом с этим новым зданием соорудить стоэтажный небоскреб и рассадить в нем всех вычислителей Советского Союза. Только никто не решится сказать, успели бы они за всю свою жизнь сделать то, на что ныне ГВЦ требуются часы и минуты.

В 1970 году Главный вычислительный центр выполнил для проекта годового плана 1971 года около 400 расчетов. Дело не только в том, что решение задач значительно ускоряется — ведь многие расчеты просто немыслимо было бы выполнить без быстродействующих машин, ставших незаменимыми помощниками экономистов.

В вычислительном центре, как нигде, знают, насколько скорость человеческой мысли при решении задач отстает от скорости «мышления» машины. Тем не менее после осмотра машинных залов меня ведут в обычные комнаты, где трудятся не машины, а люди, где висят обыкновенные классные доски, на которых пишут мелом. Здесь размещены главные службы центра — экономические и математические подотделы.

С высоких этажей через стеклянные стены открывается широкая панорама Москвы. И я пожалел, что вот так же зримо нельзя увидеть труд людей, занятых интереснейшей работой. Что может быть увлекательнее взгляда в завтра, создания проектов развития отраслей промышленности и всего народного хозяйства!

Внешне мало что изменилось в труде экономистов. Вроде бы, как прежде, сидят они за столами и думают. Но, освободившись от нудной механической работы, экономисты обрели дополнительное время для углубленного анализа информации, экономических изысканий, для научного творчества. Ныне специалисты ГВЦ от решения локальных задач стремятся перейти к более сложным синтетическим проблемам. Здесь, например, разрабатывается система «Синтез»: комплекс автоматизированных расчетов планов не только производства, но и капитального строительства, распределения материальных балансов.

За то время, которое мне потребовалось, чтобы спуститься в вестибюль, машина рассчитала рацион кормов крупного рогатого скота молочно-мясного направления для северо-западного района страны. С такой же скоростью она сделала это и для всех двадцати шести сельскохозяйственных районов СССР по всем видам животноводства: для свиней, овец, птицы, скота молочного направления, рабочего скота. Таковы здесь темпы.

...Из машинного зала экономистам принесли белые широкие листы бумаги, заполненные цифрами и словами оптимального плана. Это те данные, которые завтра лягут в основу новых больших свершении.

Огни Главного вычислительного центра Госплана СССР...

СОЛНЦЕ НАД СОМАЛИ

Алексей ВАСИЛЬЕВ

Фото автора.

ПРОЧЬ, ОКОВЫ ПРОШЛОГО!

— Вашингтон и Бонн, заберите миску с вашей отравленной помощью! Вон! — воскликнул оратор.

— Вон-вон-вон! — отозвалось тысячеустое эхо.

Заволновались знамена, плакаты. Над морем голов взметнулись сжатые кулаки.

— Синьор Валентино, держитесь с вашим другом ко мне ближе, как бы вас не приняли за американцев и не намяли бока,— сказал полицейский моему спутнику, корреспонденту ТАСС Валентину Яровому.

Солнце, поднимаясь все выше, палило нещадно, но толпа на могадишской площади Эль-Габ прибывала. Ораторы сменялись на трибуне, где рядом с сомалийскими знаменами развевались флаги ОАР, Национального фронта освобождения Южного Вьетнама, Камбоджи. Сомалийцы, которым недавние революционные события показали, кто их враг, а кто друг, проводили митинг солидарности с арабскими народами и народами Индокитая.

...Долгих десять лет Сомали развивалось, а вернее, тащилось, по капиталистическому пути. Английские и итальянские колонизаторы ушли, оставив здесь атрибуты буржуазной «демократии» — «выборы», «парламент», «ответственное правительство». По словам Аль Кастаньо, директора Центра африканских исследований при Бостонском университете, «Сомали имело репутацию (конечно, на Западе.— **А. В.**) стабильной демократической страны». Однако этот же автор вынужден был признать, что к 1969 году здесь «система злоупотреблений разрослась в какое-то не поддающееся контролю чудовище». Когда в октябре 1969 года армия совершила революционный переворот, в казне не было ни шиллинга.

Почти 70 процентов населения Сомали — кочевники. Валовой национальный продукт на душу населения один из самых низких в мире, он составляет 50—55 американских долларов в год. 85 процентов валового национального продукта создается в сельском хозяйстве, а в промышленности — лишь 8 процентов.

Половина выпускников средних и высших учебных заведений не могла устроиться на работу. И это в то время, когда девять десятых жителей были неграмотными! У сомалийцев нет своей письменности. До сих пор идут споры, какой алфавит ввести: латинский, арабский или создать свой, особый. А пока что образование осуществляется на итальянском, английском, арабском языках.

Сомали — одно из немногих африканских государств, где проживает один народ, где нет религиозной или этнической розни. Но живое тело общества раздирает трайбализм — страшная традиционная сила, которой всегда умело пользовались колонизаторы. Воинственные племена верблюдоводов — дарод, хавийе, исаак и некоторые другие — считают своими предками арабов Аравийского полуострова, хотя сомалийский язык далек от арабского. Они свысока смотрят на земледельцев, не говоря уже о таких племенах-париях, которые занимаются рыболовством, выделывают кожи, куют железо. В боскалье — холмистой равнине, покрытой тропическим кустарником, где «сила» как бы служит синонимом «права» и межплеменные схватки обычное дело,— прожить иначе как в племени, под его защитой, было невозможно. Но племенные связи сохраняются и в городе.

...Мы посетили главнокомандующего сомалийской армией Мохамеда Али Самантара.

— Да, трайбализм — это наш самый опасный враг, которому мы объявили войну,— сказал Самантар.— Эту вековую социальную систему трудно сломать. Особенно опасен трайбализм в городах. Ответственные чиновники, занимающие высокие посты, были буквально заражены трайбализмом; они подбирали людей не по их деловым качествам, а по племенным связям. Именно против этой стороны трайбализма мы и начали действовать в первую очередь.

Революционный переворот совершила армия, которая, несмотря на соперничество между различными кланами, превратилась в единое целое.

— Почему именно армия стала ведущей революционной силой сомалийского общества? — спросил я министра обороны революционного правительства Салада Гбейри Кедле.

— В вооруженных силах Сомали служат наиболее образованные молодые люди,— ответил он.— Многие из них учились за границей, познакомились там с передовыми идеями и вернулись с патриотическими, революционными настроениями. И в ответственный момент жизни страны вооруженные силы смогли взять на себя роль авангарда революции, чтобы спасти страну от упадка и повести ее по новому пути.

Главная движущая сила революционного переворота — прогрессивно мыслящие офицеры сегодня присутствуют буквально во всех министерствах в качестве инспекторов. Они работают в комиссиях для расследования злоупотреблений в различных ведомствах. Идет оздоровление, чистка государственного аппарата. Новый режим ликвидировал многие бесполезные расходы, усилил борьбу с контрабандой, упорядочил сбор налогов. Государство отменило различные льготы чиновникам, сократило им зарплату.

Верховный революционный совет пошел на решительные меры в области экономики. Были национализированы иностранные банки, бензоколонки, некоторые иностранные компании. Здесь создаются первые ветеринарные центры, распахиваются новые земли, и правительство своей официальной политикой провозгласило оседание кочевников. Верховный революционный совет упразднил титулы шейхов и султанов. Правосудие изымается из рук племен и передается государственным органам.

Это, конечно, не означает, что трудности уже позади, и здесь, в Сомали, в этом отдают себе отчет. Президент Верховного революционного совета Сиад Барре обратился к нации с взволнованным призывом: «Экономические и социальные проблемы, унаследованные от колониального прошлого и свергнутого строя, огромны. Они-то и требуют от всех нас тяжелой работы, ибо успеха можно достигнуть лишь при участии и сотрудничестве всего народа. Тяжелый труд необходим для того, чтобы в кратчайшее время исправить ошибки и провалы минувшего десятилетия, чтобы подготовиться к развитию экономики, подъему жизненного уровня населения, ликвидации безработицы, установлению социальной справедливости...»

ВСТРЕЧИ НА ДОРОГАХ

Столица еще не определяет лицо страны, и я мечтал вырваться в сомалийскую «глубинку». Валентин Яровой, предложивший мне съездить на юг, в город Кисмаю, связался с генералом Самантаром, и нам выделили армейский «лэндровер».

Позади осталась сотня километров хорошего, асфальтированного шоссе и начался африканский проселок. На участках твердой грунтовой дороги спидометр иногда показывал 60—70 километров, но чаще мы плелись со скоростью 10—15 километров в час. «Лэндровер» с трудом пропахивал липкую, жирную землю, то красно-оранжевую, то белесо-желтую. Мы проезжали зонтичные акации с плоскими кронами, похожими на ковры-самолеты, кряжистые баобабы со стволами в десять обхватов, древовидные кактусы. Но чаще встречался опутанный ползучими растениями колючий кустарник с жесткими листьями.

За день этой поездки я увидел дикого зверья больше, чем за всю свою жизнь. Бабуины прыгали по веткам деревьев или вразвалочку пробегали стадами вдоль дороги. Мы попытались подобраться к такому стаду с фотоаппаратом, но старый самец с ворчанием увел самок и детенышей на безопасное расстояние. Длинноногих африканских фазанов — фараонов размером с индюка можно было бы стрелять десятками. А санитары боскальи — метровые птицы марабу, пожирающие всякую падаль,— позволяли себя трогать руками.

Имя В. И. Ленина с любовью и уважением произносят в Сомали. В честь великого друга всех угнетенных народов названа одна из улиц в сомалийской столице.

Жители Могадишо вышли на антиимпериалистическую демонстрацию.

Встреча в боскалье — так здесь называют саванну.

Предприимчивый охотник соорудил жилище в дупле баобаба.

Ученики старших классов школы, построенной с советской помощью.

На зонтичной акации появилось стадо бабуинов. Именно в такие моменты жалеешь, что не взял телеобъектива!

На набережной океана в Могадишо возвышается древняя крепость, построенная еще во времена занзибарских султанов.

Юноши из кочевых племен, готовясь к свадьбе, делают себе сложные прически.

Стаи фараонов встречаются прямо у дороги.

Сомалийские женщины все более активно участвуют в общественной жизни. Эта девушка работает в министерстве информации.

На берегу реки жеманно переминались с ноги на ногу темные цапли.

Вот из кустов выбежал метровый варан и юркнул обратно. В большой луже купался свирепый кабан, размером с доброго теленка. Их здесь не бьют, ведь Сомали — страна мусульманская. Знаменитые в этих местах грациозные, не выше пуделя, карликовые антилопы дик-дик перебегали дорогу прямо перед колесами автомашины. Презрительно повернув голову, нас оглядел с высоты своего роста пятнистый жираф.

Дорога в Кисмаю заняла часов двенадцать. Зато на обратном пути после ливня дорогу развезло до крайности, и мы добирались почти сутки. Мы буксовали в грязи, вылезали, толкали «лэндровер». Мотор выл, машина сворачивала в сторону, пробиваясь прямиком через кустарники. И ветки стучали по стеклам пулеметными очередями. Мы спешили в Могадишо, чтобы не остаться на ночь в боскалье. Но все же за день не удалось преодолеть и двух сотен километров. Упала темнота. Мы остановились, чтобы перевести дух. Лягушки задавали концерты. Неизвестные ночные птицы тонко пиликали: уи-уи-уи. Визжали бабуины. Лаяли гиены. Не смолкая ни на минуту, стрекотали цикады.

Селение оседлых сомалийцев — это, как правило, несколько тукулей — круглых хижин под шатровидной крышей, сложенных из веток, обмазанных глиной. Часы истории, казалось, остановились здесь столетия назад. Но стоит поговорить с людьми, как убеждаешься, что и сюда проникает ветер перемен. Там крестьяне сами построили первый медпункт. Здесь соорудили навес и скамейки для школы...

У сомалийцев развито чувство национального достоинства, даже несколько болезненной гордости. Но они бесконечно гостеприимны, и когда дружеская улыбка снимает налет отчужденности, ты видишь, какие это приветливые, простые люди, наделенные большим чувством юмора.

...Вечерело, солнце по прямой скользило к горизонту. Жара спала на несколько градусов, и нам даже показалось, что стало прохладно. Мы закрыли стекла машины. Продрогнуть у самого экватора — вот не ожидал! На экваторе стоял невзрачный обелиск. Я встал левой ногой в северном, а правой в южном полушарии. Ровно в шесть, минута в минуту, солнце село.

ГОРЕЧЬ БАНАНА

По обеим сторонам дороги на многие километры раскинулись банановые плантации, тысячи гектаров молодых саженцев и уже плодоносящих растений. На них по 12—14 часов в день гнут спину батраки. За три шиллинга в день, изнемогая от усталости, поливают они потом красную землю, чтобы гроздь золотистых бананов с ярлычком «произведено в Сомали» появилась где-то на рынке в Италии.

Горьким кажется банан усталому батраку. Банан — здесь бог и бич. Банан — счастье и проклятие. Один из крупнейших владельцев банановых плантаций, известный миллионер-сомалиец Муса Богор, бывший кандидат на пост президента, крупнейший скотовладелец, домовладелец и торговец, плеткой из кожи бегемота избивал батраков. Он оставался безнаказанным, покупая депутатов парламента и племенных вождей. Но грянул революционный переворот, и Богор очутился за решеткой. А на плантациях появились первые организации прежде бесправных батраков, которые в свободные часы строят теперь школы для себя и своих детей.

Верховный революционный совет с оправданной осторожностью отнесся к предложениям немедленно национализировать банановые плантации. Бананы и скот — это основа сомалийской экономики, главные статьи экспорта, основа доходов государственного бюджета. Сомалийские бананы покупает главным образом Италия, причем по льготным тарифам. В результате израильской агрессии Суэцкий канал закрыт, и бананы приходится возить вокруг Африки. Это удорожает их, снижает конкурентоспособность. Но тронь итальянских плантаторов, оставшихся еще со времен колониализма, и создается угроза для рынков. Вопрос этот очень сложный и еще не решен Сомали.

Экспорт скота также неустойчив: сильна конкуренция стран, где скотоводство ведется на промышленной основе. Нужно бы производить консервы, строить холодильники, а всего этого в Сомали не было. Поэтому не случайно такое большое внимание сомалийцы уделяли строительству с советской помощью мясокомбината в Кисмаю, куда мы и направлялись.

Несколько десятков советских людей помогли сомалийцам построить и пустить в ход мясокомбинат с проектной мощностью 150 голов скота и 50 тысяч банок мясной тушенки в сутки. В январе прошлого года забили первую корову, а затем комбинат начал постепенно приближаться к запланированным показателям.

Русские обучили сомалийцев, и среди них уже появились свои электрики, свои дизелисты, свои мастера по всем цехам производства. А заместителем директора работает Исмаил Хаджи Фарах — выпускник экономического факультета Московского университета.

— Сомалийцы способные, я бы сказал, даже талантливые работники. У них просто нет навыков труда на крупном предприятии,— рассказывал директор комбината Владимир Иванович Хандогин из города Куйбышева.

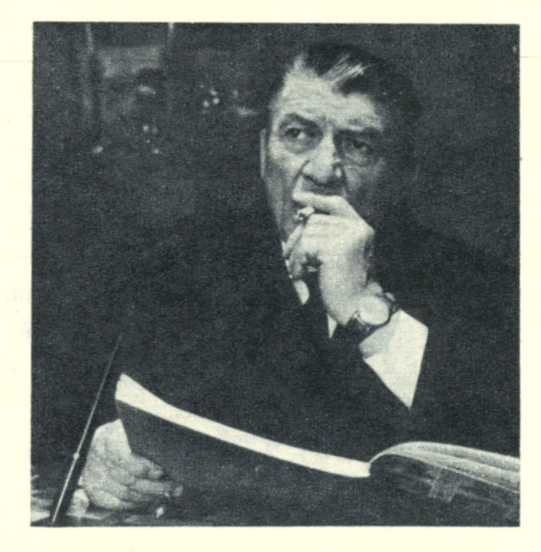
Я думал, что услышу что-либо особенное о жизни наших людей в этих далеких широтах. «Да нет,— говорили мне наши специалисты,— жизнь идет обычная, ничего особенного. Только вот иногда полезешь в шкафчик за спецодеждой, а там лежит змея. Или вот еще: на комбинат часто пробираются гиены и приходится их гонять...»

Я слышал очень теплые отзывы о наших людях от простых рабочих комбината, офицеров, крестьян и студентов.

— Мы делим и радость и горе,— говорил мне министр обороны Кедле о советских специалистах.— Русский народ может гордиться своими сыновьями, которые с честью выполняют в Сомали свой интернациональный долг.

Могадишо — Москва.

НИКОЛАЮ КРЮЧКОВУ ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ

В этот день Театр-студия киноактера не объявлял спектакля; на афише значилось: «Творческий вечер, посвященный шестидесятилетию народного артиста СССР, лауреата Государственной премии Николая Афанасьевича Крючкова».

Популярность пришла к Крючкову с первых же фильмов. Он стал кумиром зрителей, играя Андрея Сазонова в «Комсомольске», Клима Ярко в «Трактористах»... Героем всех мальчишек во время войны был Сергей Луконин в картине «Парень из нашего города». Но актер не повторял героические черты созданных им персонажей, а обогащал характеры разнообразием граней своего артистического таланта.

Острокомедийные черты находит Крючков для Кузьмы Петрова в картине «Свинарка и пастух». Его Трофимов в «Якове Свердлове» из простого деревенского парня, приехавшего в город на заработки, вырастает в непреклонного большевика, достойного соратника замечательных революционеров-ленинцев...

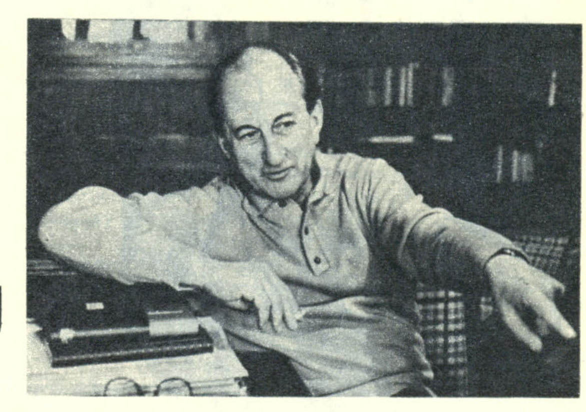
...В этот вечер артиста пришли поздравить люди, на чьих глазах прошла вся его творческая жизнь,— те, кто еще мальчиком знал Крючкова — гравера-накатчика на Трехгорке. Здесь работали его дед и отец. Здесь, в кружке художественной самодеятельности Трехгорки, началась творческая жизнь Крючкова — ныне народного артиста СССР...

Смущенный, помолодевший, Николай Афанасьевич рассказывает друзьям о своей работе в кино, о замечательных людях, с которыми его сталкивала жизнь. О людях из народа, который является соавтором всех ролей, сыгранных Крючковым в его 88 фильмах...

Большое трудолюбие и сердечность — главные черты обаятельного таланта Крючкова. Я рад принести Николаю Афанасьевичу и свои поздравления. Надеюсь на наши новые киновстречи.

Михаил ЖАРОВ,
народный артист СССР

ХУДОЖНИК БОЛЬШОГО ДАРОВАНИЯ

Жизнь режиссера измеряется его картинами. У Михаила Ильича Ромма, которому исполняется 70 лет, это счастливая жизнь, потому что его картины живут и по сей день.

Еще в начале 30-х годов, когда он заявил о себе фильмом «Пышка», имя его сразу вошло в число имен самых интересных кинематографистов страны. Здесь, видимо, сказалась благодатная особенность натуры художника — жить нераздельно со своим временем, его заботами и интересами, жить помыслами своих современников... Так сохраняется молодость. И этим секретом молодости он владеет вполне.

Каждый год зрители с благодарностью возвращаются к его классическим картинам о Ленине... Судьба свела режиссера с поразительным актером — Борисом Щукиным, и вместе им удалось блестяще начать нашу кинематографическую Лениниану фильмами «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году»...

Позже Ромм — уже в документальном кино — успешно вернулся к ленинской теме.

Сейчас Михаил Ильич Ромм накануне новой работы, посвященной жизни современного мира. Для того, чтобы сделать этот фильм, ему придется пересмотреть, перечитать, переосмыслить множество кинодокументов, чтобы вместить их в стройное кинематографическое полотно. Задача сложнейшая, но художнику столь широкого публицистического дарования она по плечу.

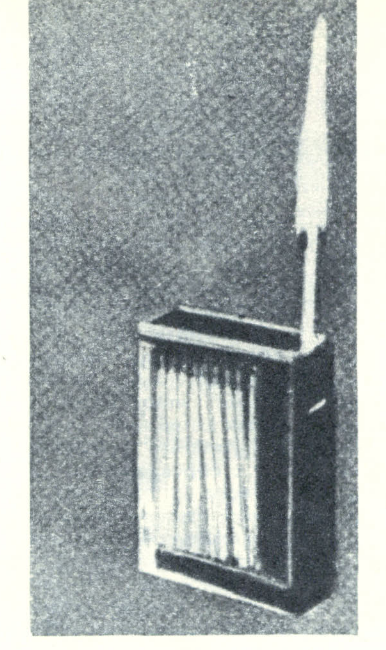
Многие годы он профессор нашего киновуза. Ученики его, теперь виднейшие режиссеры, успешно работают сейчас и в нашем кино и в кинематографии социалистических стран. Ромма знают не только как профессионала, умеющего многому научить, но как человека доброго, заботливого.

С. ГЕРАСИМОВ,
народный артист СССР

ПРОЧНЕЕ КИРПИЧА

Матко Делич, живущий в Югославии, построил дом из пустых бутылок. Строитель уверяет, что по теплоизоляции и прочности стеклотара превосходит кирпич.

СПИЧЕЧНЫЙ АВТОМАТ

На международной выставке в Брюсселе одна французская фирма представила необычную коробку спичек. Стоит нажать на кнопку, и из коробки выскакивает зажженная спичка.

ИЗ ПРОШЛОГО ВЕКА

В ГДР ежегодно проводятся автогонки, в которых участвуют только владельцы старых моделей автомобилей.

Б. ПРОТОПОПОВ

ПРОИСШЕСТВИЕ НА УЛИЦЕ ЛИЛОВОЙ

ФЕЛЬЕТОН

— Слушается уголовное дело по обвинению гражданина Синицына П. Г., двадцати трех лет, несудимый, холост, проживает в доме № 7 по улице Лиловая, в умышленной порче общественного имущества... Синицын П. Г. явился?.. («Да»,— сказал я). Оглашается обвинительное заключение. В ночь на 26 декабря сего года Синицын П. Г. вышел во двор дома номер семь по улице Лиловая и стал ломать скамейки, установленные у подъезда номер восемь для общественного пользования. Привлеченный шумом на улице, сосед Синицына Пташкин А. Г., пятидесяти трех лет, несудимый, имеет шесть детей, выбежал из своей квартиры и с криком «Подожди, я тебе помогу!» схватил другую скамейку и тоже пытался ее сломать. Увидев из окна своей квартиры действия Синицына и Пташкина, третий жилец дома семь по улице Лиловая, Куроедов В. С., также прежде не судимый, вместо того чтобы обуздать хулиганов, вынес из комнаты топор с дубовой ручкой и передал его Синицыну со словами: «На, круши их к чертовой матери, может быть, хоть в новом году поживем спокойно!»

Не обращая внимания на протесты представителей общественности дома гражданок Судаковой, Побелкиной и Малкиной, Синицын изрубил скамейки на части размером не более десяти сантиметров в длину, а граждане Пташкин и Куроедов вынесли их на свалку, каковые действия могут быть рассматриваемы как соучастие в преступлении. Вина Синицына, Пташкина и Куроедова полностью подтверждается показаниями свидетелей — Судаковой Марии Прокофьевны, Побелкиной Анфисы Петровны и Малкиной Ангелины Серафимовны... Синицын, признаете себя виновным?

— Да,— сказал я.

— Объясните мотивы преступления.

— Граждане судьи,— сказал я, вставая,— малиновая заря плавилась в небе, когда мы вышли из кино. Нежно похрустывал снежок, радостно подмигивали фонари, и прохожие смотрели на нас добрыми глазами, будто знали, что сейчас в темноте Женя мне сказала «да».

«А если вот сейчас на нас нападут хулиганы с ножами и пистолетами, ты защитишь меня, как тот — Альберт?»

Поднявшись на цыпочки, она смотрела мне в глаза, и снежинки таяли на ее ресницах.

Грудь у меня сама выгнулась, как у суворовского солдата, а из ноздрей даже, по-моему, повалил дым, потому что Женя, не дожидаясь ответа, сладко зажмурилась и прижалась ко мне еще теснее.

А я вел ее, граждане судьи, ступая, как по облакам.

«Зайдем ко мне, познакомлю тебя с мамой,— прошептал я в розовое ухо.— Это нужно!»

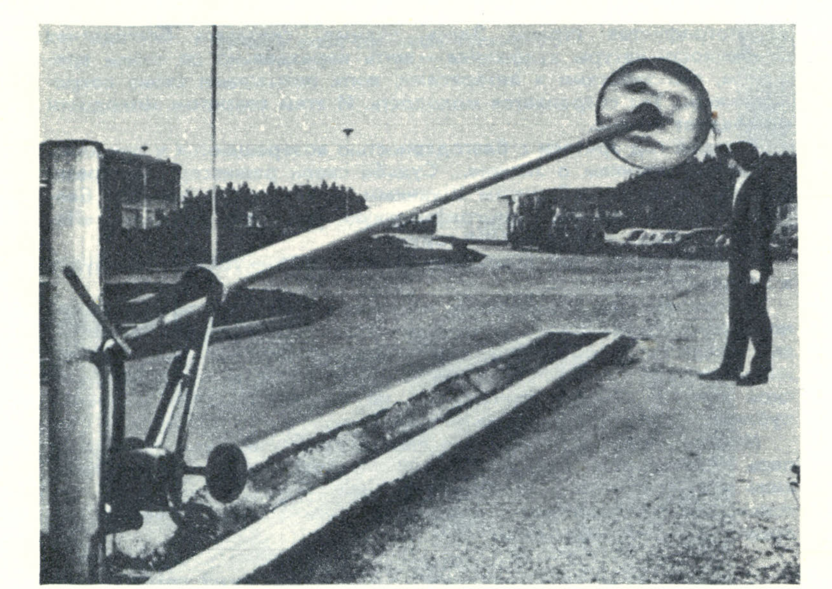
«Да»,— еле слышно уронила Женя.

Но чем ближе к дому, тем мои шаги становились медленнее. Я вдруг поймал себя на том, что шепчу старорежимные слова: «Господи Исусе, сделай так, чтобы хоть Марии Прокофьевны не было. Остальные пусть сидят, шут с ними, но Марию пошли спать! Ведь тебе это нетрудно!»

«Что с тобой? Ты стал как каменный»,— встревожилась Женя.

«Милая, тебе показалось»,— пробормотал я, напряженно всматриваясь в даль.

Через несколько минут стало ясно, что бога нет. На скамейках у подъезда, тесно прижавшись друг к другу, сидели старушки в полном комплекте. А потом донесся и растроганный голос Марии Прокофьевны:

СКЛАДНЫЕ СТОЛБЫ

На улицах английских городов можно увидеть складные фонарные столбы. Чтобы заменить перегоревшую лампочку, нужно лишь перегнуть такой столб.

СВЕТЯЩИЕСЯ ПОГОНЫ

У шотландских регулировщиков уличного движения появились на плечах сигнальные лампочки.

«На кладбище была сегодня, подруги, такие-то похороны были, такие-то похороны... И откуда у людей деньги берутся, прости меня, грешную... Жена молодая стоит разливается, на людях-то. Сама, чай, рада. А может, и не жена вовсе, кто их сейчас разберет?..»

«Спокойно, Женя, спокойно...— сказал я и, льстиво улыбаясь, сказал: — Здравствуйте!»

Старушки вздрогнули и вперили в нас плотоядные взоры. Когда мы шли между скамейками, вспомнилось толстовское «После бала» и как тому солдату, которого гнали сквозь строй, хотелось закричать: «Братцы, помилосердуйте!» И хорошо, что не крикнул, граждане судьи,— милосердие им незнакомо.

Я уже закрывал за собой дверь, когда Мария Прокофьевна обронила:

«Вчера, кажись, черняненькая была, а эта — блондиночка...»

И в ту же секунду Женя выдернула руку, которая так доверчиво лежала в моей ладони.

«Клянусь тебе...»— начал я.

«Нет,— сказали сзади,— вчера — это к Мишке».

«А может, и к Мишке,— охотно согласилась Мария.— Да нет, вроде бы он с ней шел... Впрочем, кто их разберет, теперь ведь как — нынче одна, завтра другая...»

И все было кончено. Я стоял один в темном подъезде. Да, граждане судьи, я стоял один.

Едва замерли шаги Жени, разговор на скамейках возобновился.

«Вот и все свидание,— сокрушенно сказала Анфиса Петровна.— Все они эдак, нынешние... Глаза горят, волосы растрепались, нешто прилично так девушке?»

Пронесся тяжелый коллективный вздох. Потом настала тишина. Тихий ангел пролетел над скамейками. Но вот снова звук чьих-то каблучков, и радостный голос Ангелины Серафимовны:

«Александра Даниловна! Здравствуйте, милая! Ну, как ваши дела?»

«Ничего, спасибо»,— сухо прозвучало в ответ, и Александра Даниловна рывком открыла дверь. Тяжело дыша, она прислонилась к перилам и стала прислушиваться.

«Вот тебе и вся благодарность,—горько сказала Мария Прокофьевна.— «Ничего, спасибо...» «Ничего», а сама вся экземой покрылась от нервов. Прохлопала мужа-то! Предупреждала ведь: приглядывай, сегодня заседание, завтра совещание... Прижми свово мужика, в местком сходи... По-хорошему, по-доброму наставляла, а теперь мы же и виноваты!..»

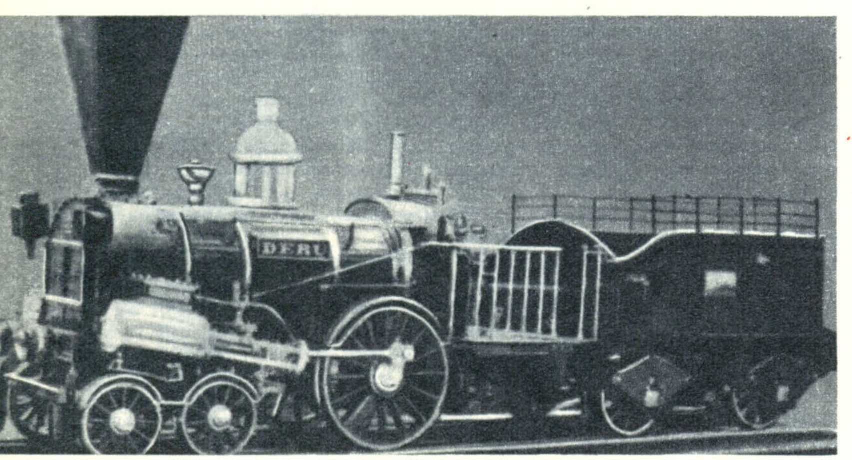
Женщина коротко всхлипнула и бегом бросилась наверх.

Я сидел за мусоропроводом, и слезы бессильной ярости сохли на моих щеках. Вот тогда и мелькнула мысль о преступлении, которое привело меня на скамью подсудимых. Говорят, я совершил его в состоянии аффекта... Неправда! Хладнокровно выждав, когда старушки разошлись, я выскочил из подъезда... Остальное вы знаете. Благодарю за внимание!

Дальше все было, как в тумане. Допрос свидетелей, взволнованный шум зала. Помню только чей-то возглас: «Держись, Синицын, много не дадут, судьи тоже люди!»

И, наконец, приговор: «...Виновен, но заслуживает снисхождения... Учитывая все обстоятельства дела, предложить домовому комитету взыскать за две поломанные скамейки зеленого цвета 12 рублей 73 копейки, распределив эту сумму поровну между Синицыным, Пташкиным и Куроедовым... Вы свободны, товарищ Синицын!»

Из здания суда меня вынесли на руках...

ПРАОТЕЦ ПАРОВОЗОВ

Так выглядел паровоз, появившийся в 1847 году в Венгрии. Его модель демонстрируется в венгерском «Музее транспорта».

ИРОНИЧЕСКИЕ СТРОКИ

Ц. СОЛОДАРЬ

«ФУТБОЛИСТ»

Павел Власьич вам знаком?
Да, тот самый, что с брюшком,
Что слывет отменным мужем
И достойнейшим отцом,
Что находчив и речист...
Правда, Власьич не плечист,
Нету в нем спортивной хватки.
А, представьте, футболист!
Как? Он крайний «Спартака»?
Он защитник ЦСКА?
Нет, он в тресте пребывает
В должности плановика.
Как же так? И не плечист,
И сложеньем неказист,
И совсем не вышел ростом —
Может, он болельщик просто?
Говорят вам, фут-бо-лист!
Скажем, в трест пришел запрос:
«Долго ль ждать еще колес?
Все отсрочки миновали,
Вы подводите совхоз!»
Тут отпишешься едва ли —
Надобно решать вопрос.
Сразу в тресте черный день:
Управляющий — как тень,
Зам берет командировку,
А помощник — бюллетень.
Управдел мгновенно сник,
У начсбыта скорбный лик,
Бухгалтерия вздыхает...
Лишь один не унывает
Павел Власьич. Он привык,
Он к себе запрос возьмет,
Даст ему «дальнейший ход» —
Отфутболит, отпасует,
Мигом переадресует
Или попросту спихнет
Либо в параллельный трест
(Их немало есть окрест!),
Либо выше, либо ниже —
Много подходящих мест!
И запрос гулять пойдет
Взад-вперед и взад-вперед,
По инстанциям поскачет,
Словно мяч на бурном матче
От ворот и до ворот.
А придет запрос второй,
Власьич — парень с головой! —
И второй запрос отправит
В аут иль на угловой,
И до нужной до поры
Дело будет
Вне игры!
Так идут за днями дни,
Ох, невеселы они:
Не пришли в совхоз колеса,
Не решает трест вопроса...
А попробуй обвини!
А за что?
Для всех входящих
Найден адрес надлежащий —
И в препроводилках чист
Трест, как белоснежный лист!
...Отчего ж это возможно?
Оттого, что есть надежный
Футболист-канцелярист!

СВЫШЕ И СНИЗУ

— Игнат Петрович, гибнет дом,
Давайте жесть для крыши!
— Нет, нет, ремонта не начнем
Без указаний свыше!
— Игнат Петрович, сняли вас!
— А свыше дали визу?
— И гриф, и визу, и приказ,
Но... по сигналу снизу!

БЕЗГРЕШНЫЙ

На новостройки
Прилетает раньше всех.
Он во времянке жить готов,
В землянке!
— Отстать от времени,— вопит,—
Тягчайший грех!!!
И выпускает
Повести-времянки.

КОМЕДИЯ С ТРАГЕДИЕЙ

В трагедии пятьсот страниц.
Но, как повелевает мода,
На девяносто эпизодов
Лишь двое действующих лиц.
Одно из лиц еще к тому ж
Живой жены покойный муж.

ИЗ ЖИЗНИ «НОВАТОРА»

1

— Антракты мы отныне
упраздним! —
Провозгласил главреж
нетерпеливо.
Достиг он многого новаторством
своим:
Теперь уж зритель спит
Без перерыва!

2

По части современных пьес
мастак —
Он так решил:
— И классику затронем! —
Поставил «Дядю Ваню» так,
Как будто Чехов нам оставил
«Тетю Соню».

АНТИКОМПОЗИТОР

Вопит он громогласно и упрямо:
— О, антимузыке скорее дайте
ход!
Антиладам, антиаккордам,
антигаммам!—
И антиоперу тачает круглый год.
Смычку скрипичному
предпочитает веник,
Ему клаксон милее, чем фагот...
Антиавансов, впрочем, он не
признает.
Как и, конечно, антиденег.

СУПРУЖЕСКИЙ ДИАЛОГ

— Эйнштейн жене галоши
надевал
Собственноручно и
благоговейно!..
— Жена, послушай, я ведь не
нахал —
Я не посмею подражать
Эйнштейну!

В ЗАБОТЕ О ПОТОМКАХ

Стихи датировал:
Год. Месяц. День. Число.
И помечал:
Ночь. Полдень. Утро. Вечер.
«Биографа,— вздыхал,—
Так сложно ремесло.
Мой долг святой —
Пойти ему навстречу!»

МИНИ, МАКСИ...

Боясь отстать от моды,
Он пишет мини-оды,
Объем: строка одна,
Три сноски, оглавленье
Эпиграф, посвящение
И... максимальная цена.

Мирза ИБРАГИМОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

НА БЕРЕГУ

I

Недалеко от морского берега, где днем и ночью плещут волны, стоят по соседству две дачки.

Домики, как близнецы, похожи друг на друга, только один — трехкомнатный, другой — из двух комнат. В каждом кухонька, ванная и большая открытая веранда. В трехкомнатном доме жил седовласый Фархадоглу, «ветеран печати» и завотделом одной из республиканских газет, в двухкомнатном — его молодой коллега, сотрудник той же редакции — Фариз.

Фархадоглу его дом достался гораздо тяжелее, чем думалось поначалу. Особенно трудно было со стройматериалами. А сколько неприятностей с домашними! Первое время все охотно занимались дачей, но чем дальше, тем хуже; строительный азарт прошел, и когда наступал выходной, у каждого вдруг оказывались причины, мешающие уехать из города: старшему сыну нужно было готовиться к экзаменам, средний, хоть умри, должен был пойти на футбол, младший обещал встретить друга, прилетавшего из Москвы; одним словом, отговорок хватало. Фархадоглу убеждал, умолял, приказывал и, когда все это не помогало, приходил в неистовство и начинал бушевать. Сыновья поднимали бунт. Самое обидное, что во всех этих подчас весьма острых столкновениях жена его Дильбер-ханум неизменно принимала сторону детей:

— Бросил бы ты, ей-богу, эту дачу! Жили прекрасно без нее и дальше проживем! Ты с этой дачей и сам вконец измотался и нам житья не даешь! Верни ты, ради бога, участок, пусть отдадут кому хотят. Не нужен он нам. Я, во всяком случае, и ногой туда не ступлю!

В конце концов Фархадоглу понял, что приказами он ничего не добьется, и изменил тактику — теперь он смиренно уговаривал жену, всячески заискивая перед ней. Ну в самом деле: надо же довести дело до конца — сколько труда вложено!

Так или иначе дом они через несколько лет все же построили. «Открытие дачи» превратилось в общесемейное торжество. В погожий майский день все собрались за столом на веранде, подняли бокалы за героя и мученика строительства, главу дома Фархадоглу.

— Видали? — Фархадоглу указал на жену: Дильбер-ханум мечтательно глядела на синеющее совсем рядом море.— Насмотреться не может, а? А что говорила!..

— Прекрасное ты место выбрал,— сказала Дильбер, не обращая внимания на слова мужа.— И дом мне нравится... А посадить деревья — представляю, как красиво будет! Только знаешь, что нехорошо: пусто очень — ведь ни одного дома по соседству. Прямо тебе говорю — одна ни за что здесь ночевать не останусь!

— Нашла о чем горевать,— усмехнулся Фархадоглу,— соседей мало! Да сейчас все только и хлопочут, что о садовых участках. Думаешь, люди не понимают, что хорошо, что плохо? Думаешь, кому-нибудь приятно томиться в бакинской духоте? Через годок-другой тут все будет застроено-перезастроено!

— Ну, как будет потом, я не знаю.— Дильбер-ханум неопределенно улыбнулась.— А пока твердо запомни: будь здесь не то что сад — рай земной, без тебя или без одного из сыновей я здесь ночевать не останусь. Ясно?

Неожиданный ультиматум несколько озадачил Фархадоглу. Характер своей Дильбер он знал хорошо: сказала — так оно и будет, хоть ты голову о стенку разбей. Пожалуй, надо будет подать идею: пустырь огромный, а столько его друзей и знакомых хлопочут сейчас об участках...

Да, за что другое, а за сады агитировать не приходилось. Сотрудники их редакции, бывшие счастливыми обладателями садовых участков, только о них и говорили, красочно описывали прелести взморья.

— Главное наше богатство — пески! — с чувством произнес один из сотрудников, когда речь в который раз зашла о садах.— Лучшее средство от ревматизма! Никаких лекарств не надо! Ни мазей, ни грязей, ни курортов!

Фархадоглу подтвердил версию о целебных свойствах песков и проникновенно описал свою дачу.

На другой день четверо сотрудников редакции подали заявления в Баксовет. Им ответили: остался лишь небольшой участок земли — как раз возле дачи Фархадоглу,— его-то и могут выделить.

Каждый из четырех претендентов принялся доказывать, что участок должен быть отдан именно ему.

Руководитель садового треста был человек молодой, но прекрасно понимал, что любого садовода не меньше, чем расположение дома, заботит и то, кто поселится по соседству. И потому старался, чтобы соседи были приятны друг другу. Получив четыре заявления, он сразу же обратился к Фархадоглу — кому бы тот посоветовал отдать пустующий участок. Ну, а земля, как известно, слухом полнится, очень скоро претенденты узнали, что Фархадоглу может повлиять на решение вопроса, и начали осаждать его просьбами, причем все они были достойные люди, и Фархадоглу оказался в затруднении. И тут вдруг как-то вечером к нему явился Фариз, молодой журналист, сотрудник его отдела.

— А, это ты, сынок? Проходи, проходи, всегда рад тебя видеть! — Фархадоглу пропустил вперед гостя.

— Простите, учитель! Очень виноват, что потревожил, но у меня срочное дело. Пришел посоветоваться. Ваша мудрость, ваш совет...

— Давай проходи в кабинет! Дильбер! — Фархадоглу позвал жену.— Устрой нам чайку покрепче! Садись. Говори, Фариз. Только давай без славословия! Ты сказал, что пришел посоветоваться.

Фариз изменился в лице и смущенно опустил голову. Фархадоглу не заметил, как дрогнули губы у его гостя, каким холодным блеском сверкнули его большие глаза под густыми черными бровями. Очень часто самые лучшие чувства и самые благие побуждения заставляют нас видеть вещи и события не такими, какие они есть, а такими, какими нам хотелось бы их видеть.

Фархадоглу хотелось увидеть на лице Фариза смущение, и именно это он увидел. И остался вполне доволен и собой и своим учеником. Ведь так радостно сознавать, что мы имеем на учеников влияние, что с нами считаются и что в конце концов мы можем их воспитывать, можем! Достигать этого нужно, разумеется, не проповедями, не скучными назиданиями, а делом: личным примером, собственными поступками. Как было бы прекрасно, если б эту простую истину понимали все! Если бы все поступали так, как говорят и как учат!.. Но тут Фархадоглу почувствовал, что Фариз ждет, когда можно будет приступить к делу, и, мысленно отметив, что отношения поколений, отношения отцов и детей,— сложнейшая, вечная проблема, внимательно посмотрел на Фариза.

— Ну, я слушаю тебя.

— Видите ли, учитель,— смущенно начал Фариз.— Это, собственно, не имеет к вам прямого отношения... Но я все-таки осмелился... Ну в самом деле: куда мне еще пойти? Чужой город, чужие люди!..— И молодой человек показал рукой на окно, за которым лежал огромный, могучий Баку.

Фархадоглу снова стало не по себе.

— Что значит чужой?! — спросил он, искренне удивленный. С первых дней революции вошла в сердце Фархадоглу вера в то, что кругом — друзья, что он такой же хозяин жизни, как и другие.— Фариз! Разве это все не твое?! Разве это не твой город, не твой народ, не твое правительство?! Неужели ты не понимаешь, что любой твой успех или неуспех зависит исключительно от тебя, от твоих способностей, твоего старания! Ну, знаешь, не ожидал я от тебя подобных высказываний!..

Фариз несколько смутился, однако на этот раз голову он не опустил. И опять в глазах — где-то в самой-самой глубине — промелькнула усмешка. Но Фархадоглу снова ничего не заметил, уловил только, что смутил гостя, и готов был пожалеть об этом. Впрочем, Фариз, решив, видимо, не затевать полемики по проблеме личности и коллектива, перешел к делу:

— Я прошу вас помочь мне в получении участка. Замолвите словечко в Баксовете, вам не откажут!

Фархадоглу изумленно взглянул на молодого журналиста. «Господи! Да на что он тебе дался, этот сад?! Раньше времени такой груз на плечи взваливать!»

Фариз словно прочел его мысли.

— У меня ведь мать очень больна. Врачи велят, чтоб на лето за город, на свежий воздух... Вот мне и нужен сад. Конечно, если это вас не слишком затруднит...

Мать больна? Фархадоглу забросал гостя вопросами: какой диагноз, какой врач смотрел, можно ли ему доверять, а то есть один великолепный диагност... Фариз ответил на все вопросы и снова повторил свою просьбу, не забыв добавить: «Если это вас не затруднит...»

— Хорошо! — весело сказал Фархадоглу.— Завтра же займусь этим делом. Ты подготовь заявление, напишем отношение за подписью главного редактора. И все: можешь переквалифицироваться в садовника!..

Фариз расцвел.

«Эх, молодость, молодость!..— не без грусти подумал Фархадоглу.— Сколько в тебе чистоты, непосредственности, обаяния!.. Не ценим мы тебя, пока молоды, а как ты быстро проходишь!..»

— У тебя что-нибудь еще? — спросил Фархадоглу.— Говори!

Сказано это было так искренне, так чистосердечно, словно исполнять просьбы Фариза, вникать в его дела — великое счастье. Впрочем, оно почти так и было: в сидящем перед ним симпатичном молодом человеке Фархадоглу видел не только ученика и продолжателя дела, которому отдал жизнь, но одного из тех честных, верных, надежных, кому предстоит творить будущее.

— Нет, учитель,— поспешил заверить его Фариз.— Больше у меня ничего нет. Я бесконечно вам благодарен. Просто не знаю, что делали бы мы, молодые, без вашей доброты, без вашей поддержки!.. И, пожалуйста, не отрицайте этого! Дайте хоть раз высказать вам, как мы, молодые журналисты, гордимся своим учителем! И не только мы...

Фархадоглу слушал, и у него было такое ощущение, словно в душу ему вливается бальзам. Он слушал, и блаженство охватывало его, такое блаженство, такая легкость...

— Без вас мы все были бы ничто! — с чувством заключил Фариз.

Эта последняя фраза переслащила упоительный шербет лести, и настолько переслащила, что Фархадоглу почувствовал легкую тошноту. Он поднялся с кресла.

— Так. Значит, мы все решили. А теперь извини — мне еще кое-что дописать нужно. К утру приготовь документы. И все будет в порядке. Только разреши дать тебе один совет. Мы, старики, бываем иногда излишне придирчивы. Другой раз вроде и не сказано ничего плохого, а мы уже лезем с назиданиями. Случается... Но если мы и ошибаемся, то все равно намерения у нас самые лучшие. Именно поэтому я считаю своим долгом сказать: не бери ты этот льстивый тон! Вам, молодым, лесть особенно не пристала!

Фариз снова изменился в лице. Снова на мгновение опустил голову, потом поднял ее. Лицо его потемнело, большие черные глаза мерцали холодно и непримиримо. И снова Фархадоглу ничего этого не заметил. Он был уверен, что пристыдил парня, что тот благодарен ему за науку — недаром же Фариз не называет его иначе, как «учитель».

— Фариз, я тебя очень прошу: не обижайся! Человек в моем возрасте может и даже обязан указать младшему товарищу на его ошибки, тем более если это способный, подающий надежды человек! Одним словом, пойми меня правильно!

Но Фариз уже успел взять себя в руки, он снова был сдержанным, покорным, вызывающим доверие и симпатию.

— Что вы, учитель! Я совершенно согласен с вами! Если мы будем обижаться, когда вы учите нас добру!..— Он вскочил и, быстро простившись, вышел из кабинета. Только на улице мог он наконец вздохнуть полной грудью.

2

Фархадоглу не только выполнил просьбу молодого коллеги, но помог ему заложить фундамент, порекомендовал каменщика. И все это время его не оставляло сомнение: правильно ли он поступает?

Как-то раз Фархадоглу высказал свои сомнения жене:

— Зря, наверное, я втравил парня в это дело... Ведь сейчас у него самая пора, самое время писать. Писать, писать и писать! Ему сейчас день и ночь работать надо! Упустит время, потом не вернешь.

Дильбер-ханум не разделяла этих тревог.

— Ты за Фариза не беспокойся. Все обделает в лучшем виде. И оглянуться не успеешь, как дом у него будет готов!

И правда, получив участок, Фариз стал както особенно деловит, расторопен. В редакцию он теперь являлся задолго до начала работы, порученные ему задания выполнял точно и аккуратно, неизменно выступал на летучках, активно участвовал во всех обсуждениях и при всем том успевал позвонить, договориться насчет цемента или пиломатериалов. Иногда он вдруг исчезал на часок-другой и, как правило, возвращался довольный. Можно было только удивляться, как при таких заботах Фариз умудряется сохранить четкость в работе — любое поручение заведующего отделом или ответственного секретаря выполнялось им в срок и на самом высоком уровне.

Приехав как-то в начале осени в сад, Фархадоглу подивился, как успешно идет строительство у нового соседа. Кажется, Дильбер оказалась права. Ну что ж, в любом деле нужна хватка, и человек, который умеет преодолевать бытовые трудности, умеет создавать себе благоприятные условия для жизни, достоин только похвалы. Во всяком случае, упрекать Фариза не в чем. Если человек, желая обеспечить отдых больной матери, способен проявить столько энергии и деловой хватки, хвала ему!

Мысли эти занимали Фархадоглу частенько. Причем, раздумывая о Фаризе и его дачных делах, Фархадоглу словно бы спорил с кем-то, кому-то что-то доказывал. Иногда он сравнивал нынешнего Фариза с тем, которого знал несколько лет назад, и начинал крепко задумываться.

Фархадоглу познакомился с Фаризом в 1947 году.

В один из вечеров к нему пришел старый его друг и привел с собой парнишку, почти подростка. Друг рассказал Фархадоглу, что парнишке досталось нелегко. Отец не пришел с войны, мать тяжело болела, пятеро малышей, он, двенадцатилетний, остался за старшего. Парень из кожи вон лез: и семью прокормить старался и в школу ходил. Сейчас вроде полегче, мать поднялась, в колхозе работать стала, вот парень и приехал, в институт поступить хочет. Учился он всегда прекрасно, способный, усидчивый, его только чуть поддержать, он себе дорогу пробьет...

В те годы в подобных просьбах никакой необходимости не было. Высшая школа с трудом выполняла план набора, и двери институтов были распахнуты настежь. Так что вначале Фархадоглу даже не понял, чего, собственно, от него хотят.

— Разве трудно поступить в институт? Насколько мне известно, повсюду недобор...

Тогда друг и сам Фариз объяснили Фархадоглу, что на гуманитарных факультетах, особенно на юридическом и филологическом, громадный наплыв и большей части абитуриентов предложено передать заявления на другие факультеты. А парень непременно хочет на филфак.

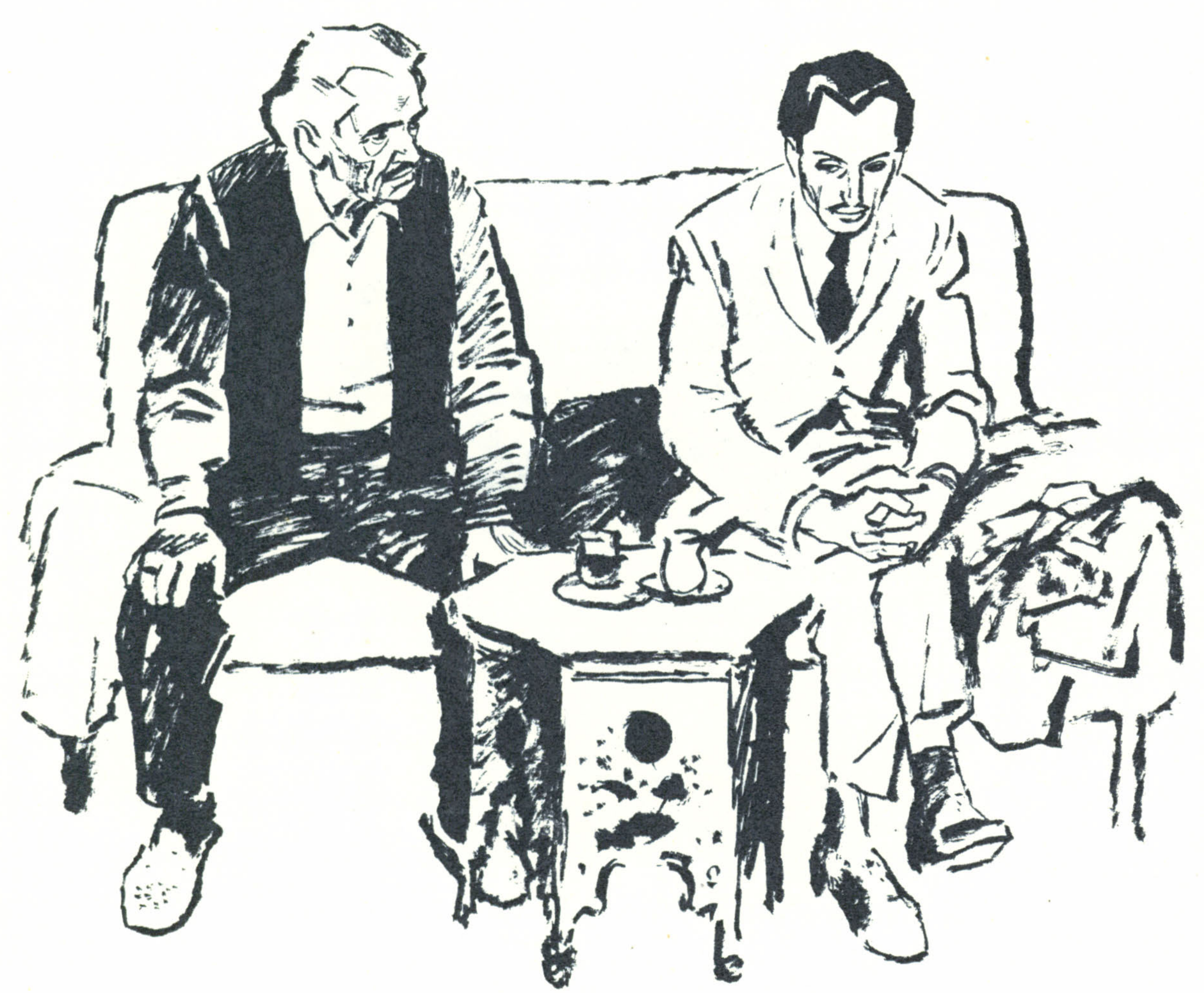
В тот же вечер Фархадоглу позвонил ректору университета. Тот не оставил без внимания просьбу старого друга и заслуженного журналиста. Фариз поступил на филологический факультет. Фархадоглу не ограничился тем, что помог парню поступить. Интересовался, как учится, как себя ведет студент, чем интересуется; радовался, когда слышал хорошие отзывы.

На первой сессии Фариз по всем предметам получил пятерки. Фархадоглу был по-настоящему счастлив. Деревенский парень, сирота, без всяких поблажек и покровительств, исключительно благодаря способностям и трудолюбию успешно пробивает себе путь к знаниям — тут было чему радоваться!

Фариз и на старших курсах оставался лучшим студентом и, заходя к Фархадоглу, каждый раз сообщал о новых успехах. Фархадоглу регулярно требовал от него отчета: «Я ведь за тебя отвечаю. Как отец за сына...»

Естественно, что при таких отношениях Фархадоглу очень скоро стал для Фариза самым близким, самым уважаемым человеком. Его страстным желанием было во всем походить на Фархадоглу, потому и журналистом решил стать.

Фархадоглу не мог не радоваться за парня и боялся только одного: как бы соблазны большого города не затянули его... По собственному опыту зная, какое значение имеют в таких случаях товарищи, Фархадоглу как-то заговорил с Фаризом об этом и поинтересовался, есть ли у него близкий друг. Узнав, что есть, попросил привести его, познакомить.

Вскоре после этого разговора Фариз пришел к нему с невысоким худощавым парнем.

— Вот, учитель, познакомьтесь, мой друг Искандер!

Фархадоглу пожал протянутую небольшую, но крепкую руку и заметил, каким радостным, чистым блеском вспыхнули глаза юноши.

Фархадоглу заговорил о литературе, о политике... О чем бы ни заходил разговор, Искандер прямо и ясно высказывал свое мнение...

Фархадоглу был доволен новым знакомством. Во-первых, он мог больше не беспокоиться за Фариза: дурное влияние ему не грозило. Во-вторых, это очень приятно — познакомиться с таким парнем, как Искандер: умным, честным, откровенным. Прощаясь, он сказал Фаризу и Искандеру:

— Вот что, ребята: вы особых приглашений не ждите, приходите запросто. Если не ладится что, я всегда помогу! Ну, а в добрую минуту, я думаю, вы и сами меня не забудете. Одним словом, приходите, всегда буду рад!

Так между двумя студентами и старым журналистом завязалась крепкая, чистая дружба. Парни считали своим долгом каждый выходной день заходить к Фархадоглу, прислушиваться к его советам, по его рекомендации подбирали книги, и всем троим общение это доставляло большое удовольствие.

Уже на третьем курсе и Фариз и Искандер начали выступать в печати; для Фархадоглу каждая их заметка была большим праздником. Первые публикации он даже вырезал из газеты и приклеил в альбом — там хранились семейные реликвии.

Само собой разумеется, что, когда оба молодых, подающих надежды журналиста окончили университет, Фархадоглу помог им остаться работать в Баку. Сначала одного, а потом и второго пригласил работать в газету. И, надо сказать, не раскаялся. Оба оказались прекрасными работниками. Фариз, с его быстротой реакции и умением мгновенно ориентироваться — бесценными качествами для журналиста, вскоре стал незаменим в редакции. Искандеру все давалось труднее, он не отличался оперативностью, но зато его материалы ценились за весомость, достоверность и глубокую продуманность.

Последние годы Фархадоглу с тревогой стал примечать, что Фариз слишком уж привык к похвалам и благодарностям, у него появилась даже своеобразная жадность на похвалу, причем отметить его работу обязательно должен был главный редактор или на худой конец его заместитель. Но для того, чтобы его материалы чаще похваливали, молодому журналисту явно приходилось приспосабливаться к чужому вкусу, а подчас защищать то, с чем был не согласен. А ради чего? Фархадоглу мог дать на это только один ответ: ради карьеры, ради быстрого продвижения.

Фархадоглу решил поговорить с Фаризом. Как-то вечером он пригласил обоих друзей к себе домой и за чаем завел разговор о карьере, о славе...

— У человека есть два пути достичь высот в любом деле, в любой профессии, в любой сфере применения своих сил. Первый — когда человек работает ради дела. Работает с полной отдачей, влюбленный в свою работу, от самого процесса работы получая огромное удовлетворение. Такие люди зачастую и сами не замечают, как добиваются всеобщего признания и оказываются вдруг на вершине славы. Они не добиваются ее, они только работают, и слава сама находит их, естественно и неизбежно, как всходит и заходит солнце... Есть и другой путь... Мне лично он не по душе. Те, кто встает на этот путь, трудятся единственно ради успеха, ради славы, ради громкого имени. Жажда славы — страшная штука, она опустошает душу, разрушает личность, вытравляет в человеке чувство собственного достоинства. Мне кажется, все это не для настоящего человека. Как ты полагаешь, Фариз?

Фариз слушал Фархадоглу, и щеки его все больше и больше багровели. На лбу выступил пот. Но глаз он не отвел.

— Я понял, что вы хотели сказать, учитель. Я все понял. И здесь, при друге, даю вам слово: больше вы не сможете упрекнуть меня ни в чем подобном!

Продолжение следует.

О ДОБРОМ ДРУГЕ

Имя его не шумно. Оно не мелькало ни в одной из «обойм», время от времени вскипавших на поверхности беспокойного нашего литературного моря. И вообще крикливость, словесная суета сует, активное участие в распределении табели о рангах — свойства, решительным образом противопоказанные характеру Ивана Федотовича Карабутенко. Мне не раз приходилось видеть, как он мучительно переживал, когда кто-нибудь из его товарищей начинал говорить что-либо похвальное о нем. И если я сейчас вот все-таки отважился сказать десяток-другой таких слов, то это потому лишь, что доброму другу нашему исполнилось пятьдесят лет. Дата юбилейная. Трудная во всех отношениях для самого юбиляра, для нас она хороша уже тем, что мы можем чуток смелее и откровеннее сказать товарищу, что́ он есть для нас и для того дела, которое призвало нас к себе на бессрочную службу.

Да, имя Ивана Карабутенко не громко. Однако ж его хорошо знают в большой всесоюзной нашей литературе, и в особенности русской и украинской, для коих он один из тех красных кровяных шариков, несущих на себе живительный кислород дружбы. Еще задолго до создания Совета по украинской литературе при Секретариате Союза писателей СССР, ответственным секретарем которого он нынче является, И. Ф. Карабутенко был как бы полпредом, постоянным представителем украинской советской литературы в столице, облеченным самыми высокими полномочиями, а именно: доверием и любовью писателей Украины. Через него мы раньше, прежде всего узнавали о новинках украинской литературы, о том, что вышло или скоро выйдет из-под пера нашего брата, известного уже или только пробующего свои силы украинского литератора. Скорее всего многие из них до сих пор не знают, кто первым в Москве заметил их творения и кто первым обратил на них внимание редакторов журналов и издательств. Точно так же немногие из нас, русских литераторов, знают, кто первым порекомендовал для перевода на украинский язык ту или иную нашу книгу. В большинстве случаев окажется, что этим первым был добрый и обязательный друг наш Иван Федотович Карабутенко, более двадцати годов бессменно работающий консультантом при Секретариате правления Союза писателей СССР.

Я хорошо знаком и с другим родом его литературной деятельности. Будучи литературоведом, он все чаще и чаще приобщается к труднейшему ремеслу переводчика. Широко известны его переводы произведений П. Панча и Ю. Смолича, А. Довженко и О. Вишни, Ю. Яновского и О. Гончара, рассказов Е. Гуцало и ряда молодых украинских прозаиков. Смею утверждать, что такое бережное, такое трепетное отношение к оригиналу, то есть к каждому слову переводимого писателя, я встречал не часто. И в этом сказывается его натура — все делать на совесть. Право, иногда даже думается не без зависти: вот бы у нас, русских литераторов, был бы такой постоянный заботник в других братских литературах!

Он очень надежный друг, наш добрый и умный сподвижник на нелегкой литературной стезе. Ему исполнилось толечко 50 лет. И его плечо мы еще долго будем чувствовать возле своего плеча. А когда так, легче в походе, легче шагать в боевом строю.

Михаил АЛЕКСЕЕВ

В канун XXIV съезда партии Комитет по печати при Совете Министров СССР наметил провести серию книжных выставок.

Начало по праву этот смотр 12 января с. г. издательство «Искусство», развернув свою богатейшую экспозицию в здании Комитета.

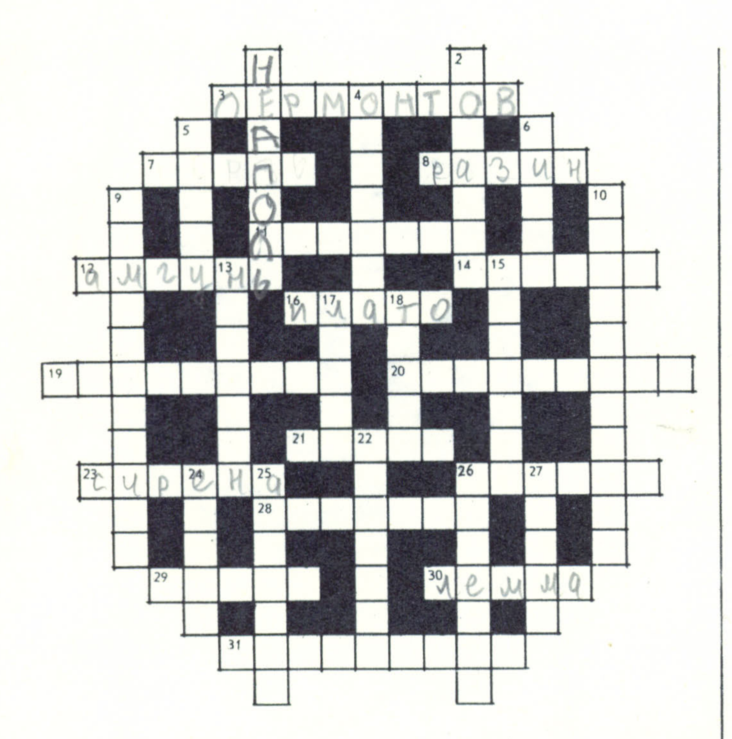
Открыл выставку главный редактор Главной редакции художественной литературы Комитета по печати при Совете Министров СССР товарищ Иванько С. С.

Издательство «Искусство» показало итоги своей большой работы, осуществленной к великим юбилейным датам — 50-летию Советской власти, 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, 25-летию победы в Великой Отечественной войне. Об этой большой работе рассказал собравшимся директор издательства Савостьянов Е. И. Он поделился также творческими перспективными планами своего коллектива.

На открытии выставки выступили народные артисты СССР С. А. Герасимов, И. В. Ильинский, Б. А. Бабочкин, доктор искусствоведческих наук А. Д. Чегодаев, горячо поздравившие коллектив издательства с выпуском прекрасных серий книг по вопросам театра, кино, изобразительного искусства.

На снимке (слева направо): вице-президент Академии художеств СССР В. С. Кеменов, директор издательства «Искусство» Е. И. Савостьянов и народный артист СССР И. В. Ильинский.

Фото Е. Умнова.

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Русский поэт. 7. Шахматная фигура. 8. Организатор и руководитель народного ополчения в XVII веке. 11. Математический знак. 12. Приток Лены. 14. Отпечаток текста, рисунка. 16. Возвышенная равнина. 19. Русский композитор. 20. Земная кора. 21. Разновидность агата. 23. Сигнальный гудок. 26. Иранский поэт. 28. Автор оперы «Севильский цирюльник». 29. Созвездие северного полушария неба. 30. Вспомогательная теорема. 31. Птица.

По вертикали: 1. Город на юге Италии. 2. Кондитерское изделие. 4. Река в Якутии. 5. Высокомолекулярное вещество, часть животных и растительных тканей. 6. Мужская одежда. 9. Медицинское учреждение. 10. Регулятор количества рабочей смеси в двигателях внутреннего сгорания. 13. Штат в США. 15. Луговое растение. 17. Государство в Азии. 18. Слоистый минерал. 22. Персонаж романа И. С. Тургенева «Накануне». 24. Озеро в Красноярском крае. 25. Склад оружия и военного снаряжения. 26. Музыкальный инструмент. 27. Южное плодовое дерево, кустарник.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

По горизонтали: 5. Хабаров. 6. Витамин. 7. Хоккей. 9. Лекало. 10. Кадриль. 11. Куртка. 13. Европа. 16. Эскиз. 18. Алазань. 19. Рубанок. 21. Анета. 23. Анабас. 25. Калина. 26. Ворскла. 27. Гризли. 28. Байрон. 29. Гондола. 30. Цельсий.

По вертикали: 1. Баккара. 2. «Тройка». 3. Ателье. 4. Филатов. 8. Прокопьевск. 11. Казарка. 12. Команда. 14. Вербена. 15. Атакама. 16. Эльба. 17. Зурна. 20. Баритон. 22. Лигроин. 24. Свиток. 25. Кабель.

На первой странице обложки: Пирдаз Мухтарова, сборщица Кубачинского государственного художественного комбината. Дагестанская АССР.

Фото К. Каспиева.

На последней странице обложки: Зимняя дорога.

Фото М. Савина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 25/XII-70 г. А 00209. Подп. к печ. 12/I-71 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 207. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 3676.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

М. ХРОМЧЕНКО, Л. ШЕРСТЕННИКОВ

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, МАЛЫШ!

Это было вскоре после Великой Отечественной войны. Местные градостроители разработали генеральный план развития Кургана, ставшего областным центром. Тогда в нем насчитывалось около 60 тысяч жителей. Архитекторы предполагали, что население города достигнет четверти миллиона где-то на рубеже двухтысячного года.

И ошиблись.

Первого ноября прошлого года в редакцию газеты «Советское Зауралье» поступила телефонограмма из родильного дома:

«1 НОЯБРЯ 1970 ГОДА В 15 ЧАСОВ ПО МЕСТНОМУ ВРЕМЕНИ РОДИЛСЯ ДВУХСОТПЯТИДЕСЯТИТЫСЯЧНЫЙ ЖИТЕЛЬ КУРГАНА.

ВЕС НОВОРОЖДЕННОГО — 3 КИЛОГРАММА 700 ГРАММОВ, РОСТ — 52 САНТИМЕТРА.

МАТЬ — НАДЕЖДА ЕФРЕМОВНА САПОЖНИКОВА, КОМСОМОЛКА, РАБОТНИЦА ПРИБОРОСТРОИТЕЛЬНОГО ЗАВОДА.

ОТЕЦ — ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ САПОЖНИКОВ, КОМСОМОЛЕЦ, СЛЕСАРЬ НА ЗАВОДЕ КОЛЕСНЫХ ТЯГАЧЕЙ.

МАТЬ И СЫН ЧУВСТВУЮТ СЕБЯ ХОРОШО».

Этой телефонограммой газета открыла четвертую полосу очередного номера. Полоса — коллективный рассказ о Кургане. Когда-нибудь, убежден, газету, сбереженную отцом и матерью, с интересом прочтет Костя Сапожников, как сегодня с не меньшим интересом читаем мы опубликованные в ней материалы.

«Мы — курганцы! — торжественно заявляет Я. Шушарин, почетный гражданин города, рабочий завода «Курганельмаш».— Мы вкладываем в это слово всю нашу любовь к родному городу, всю гордость его прошлым, настоящим и будущим. Очень хотим и очень надеемся, что ты, когда вырастешь, будешь тоже с гордостью говорить: «Я курганец!»

«Все здесь для тебя, малыш!» — поздравляет новорожденного редакция, публикуя пять фотоснимков.

Вот первое фото: новые жилые кварталы. И подпись: «В 1943 году, когда Курган стал областным центром, весь его жилой фонд составлял 190 тысяч квадратных метров. А к моменту твоего рождения общий жилой фонд города достиг полутора миллионов квадратных метров».

О переменах свидетельствуют не только цифры. Сегодня в зауральском центре поднимаются благоустроенные жилые массивы, какие можно встретить в любом другом городе нашей страны. Дворцы культуры и клубы, кинотеатры и библиотеки, стадионы, парки, магазины и комбинаты бытового обслуживания. Помыслы архитекторов, естественно, устремлены в будущее. Но хорошо бы сохранить хотя бы осколок облика прошлого, скажем, одну-две старые улицы. Чтобы знали, чтобы не забывали Костя Сапожников и его сверстники, от чего мы ушли, что и как было раньше. Чтобы могли сравнить современные дома с теми, маленькими, приземистыми, словно в землю, в снега вросшими, где оконца узенькие, подслеповатые, забранные железными решетками, а дворы на всякий случай окружены толстенными кирпичными оградами выше человеческого роста. Такие дома говорят не столько о строительных возможностях прошлого, сколько о характере прошлой жизни...

Второй и третий снимки: бегут куда-то по своим архиважным делам счастливые малыши, улыбаются школьники в светлом классе, на партах перед ними — букеты цветов. Очевидно, первое сентября. И строчка из подписи: «Уже сегодня в 120 детских дошкольных учреждениях Кургана растет и воспитывается свыше 16 тысяч малышей...»

«И еще пройдут годы,— так начинается подпись под четвертым снимком, на котором представлена лаборатория сельскохозяйственного института,— позади останется школа, и ты придешь в институт. Сейчас их в городе четыре...»

И, наконец, последняя, пятая фотография: человек стоит у стенда во всю стену с панелями измерительных приборов. «А может быть, ты станешь рабочим? Нет звания почетнее и выше, чем это».

Эти пять фотоснимков прекрасно дополняют статью Е. Любимова, заместителя председателя исполкома городского Совета депутатов трудящихся.

«Был когда-то наш Курган,— вспоминает Е. Любимов,— далеким захолустьем самодержавной России. Командовали в нем богатые сибирские купцы, самодурствовали, безобразничали. И было в Кургане всего-навсего четырнадцать мелких полукустарных мастерских с сотней-другой рабочих. Вот пусть и сравнят Костя Сапожников и его сверстники те мастерские хотя бы с нынешним «Курганельмашем», первенцем местной индустрии, или с отделением железной дороги, которое объединяет двенадцать крупных производств с многотысячным коллективом. Тогда только поймут они, нынешние, ценой каких титанических усилий досталось их прадедам, дедам и отцам превращение городка купцов и ремесленников в индустриальный, социалистический город. Город, который сегодня можно смело назвать рабочим-миллионером, потому что около шестидесяти его предприятий выпускают в год на 570 миллионов рублей продукции. И какой продукции!

Без труда преодолевают контрасты сибирского климата курганские автобусы. На курганской арматуре смонтированы Белоярская и Ново-Воронежская атомные электростанции. Нет, пожалуй, в стране такого уголка, куда бы ни проникали витамин B_{12}, биовит-80 и пенициллин Курганского завода медицинских препаратов. Золотой медали Лейпцигской ярмарки удостоены автогудронаторы завода дорожных машин...

С днем рождения тебя, малыш!» — заканчивает свою статью заместитель председателя Курганского исполкома.

А вслед за ним новорожденного поздравляют руководители заводов, где трудятся счастливые мама и папа. И стихи в честь малыша уже написаны местным поэтом А. Старобинцем.

...Совсем немного времени прошло, как родился Костя Сапожников. Но еще задолго до его появления на свет градостроителям Кургана пришлось признать свою ошибку и засесть за новый генеральный план в предвидении того, теперь уже явно недалекого времени, когда появится в древнем и молодом зауральском центре первый полумиллионный житель.

Александра Николаевна Степанова, главный врач роддома, напутствует молодых родителей.

Юбиляр — Костя Сапожников.

Церемониальный марш...

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.